
ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Изделия якутских мастеров резьбы по кости славятся далеко за пределами республики. На снимке: один из старейших косторезов, Василий Петрович Попов за работой.

Фото А. Новикова.

На первой странице обложки: Киргизская ССР. Горняцкий поселок Кашка.

На последней странице обложки: Очень важное занятие.

Фото И. Тункеля.
Киргизская ССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

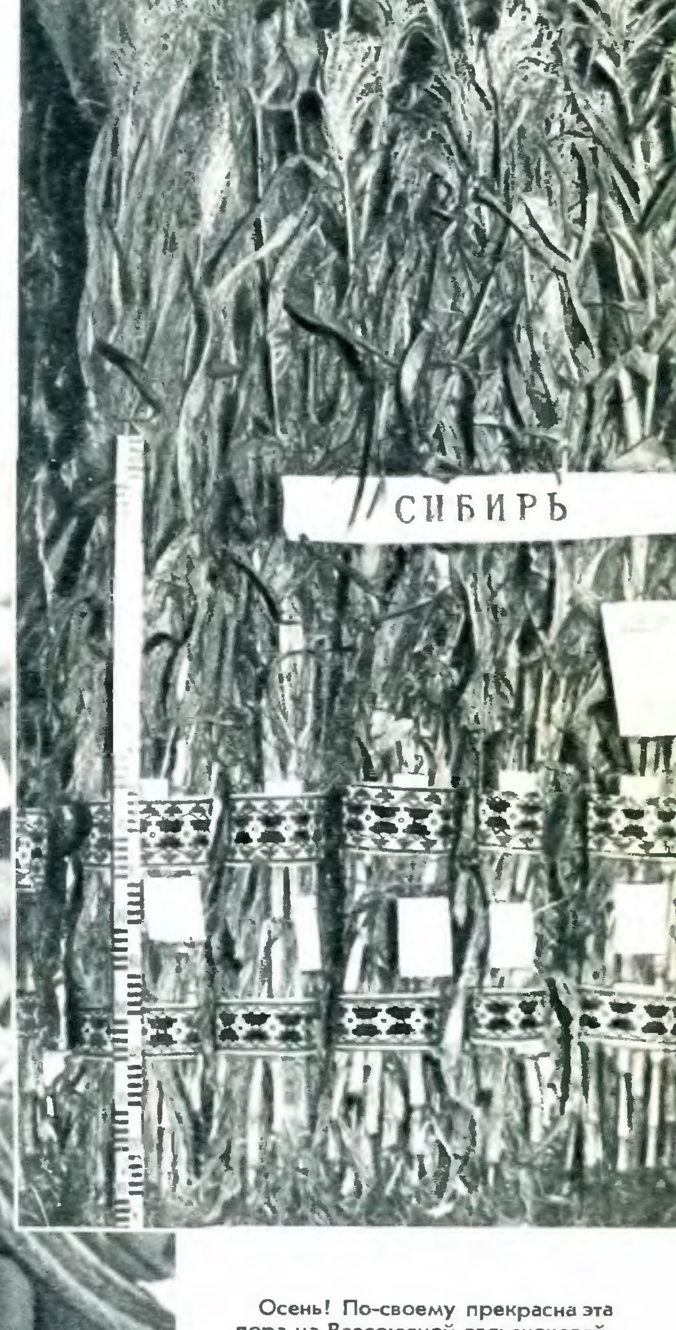
№ 41 (1582)

6 ОКТЯБРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДВЕ ВЫСТАВКИ

Осень! По-своему прекрасна эта пора на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Здесь все еще благоухают розы, но ветер уже срывает с деревьев желтые листья, и они, словно горсти медяков, катятся по асфальтовым дорожкам, обгоняя экскурсантов.

Последуем же за экскурсантами, посмотрим, что интересует их в эти дни. Многие направляются туда, где голубой подковой легла цепочка прудов, и заворачивают в круглое здание манежа. Оно устроено точь-в-точь как цирк, с ареной, высоким амфитеатром для зрителей. Его назначение — демонстрация животных. Но сейчас здесь устроена — впервые за время существования ВСХВ — выставка кукурузы, выращиваемой на силос. Кукуруза — ну что особенного! Не торопитесь с выводами, загляните внутрь.

Сейчас здесь все переменилось: посетители ходят по арене, а там, где обычно полагается сидеть зрителям, стоят перевязанные узорчатыми поясками снопы кукурузы: ряд за рядом, выше и выше, будто выстроился сводный хор девушек в зеленых платьях. Познакомьтесь: в этом «хоре» есть представительницы знойной Грузии и умеренного Подмосковья, Молда-

вии и Прибалтики, Украины и Алтая, Рязанщины и Чувашии, Урала и Красноярского края — одним словом, гостьи из мест, где испокон веков росла кукуруза, и оттуда, где ее развели лишь в последнее время, развели и были до удивления обрадованы: до чего же быстро поправились дела за счет этого «зеленого золота»!

«Солистки» столь необычного и замечательного «хора» прибыли в Москву поездами, на автомашинах и даже самолетах. Взгляните на белые листки: на каждом написана краткая, но очень выразительная «биография». Вот одна из многих: в пойме реки Супой, на Киевщине, осенью минувшего года была посеяна озимая рожь на зеленые корма. 24 мая текущего года рожь скосили, а 2 июня там же посадили кукурузу и в сентябре сняли ее. Два урожая за лето! И второй — настоящий урожаище: 1 069 центнеров зеленой массы с гектара!

После прочтения «биографии» невольно еще раз поднимаешь глаза на виновницу торжества. Поднимать глаза приходится в самом буквальном смысле: высота стеблей — три с половиной метра!

— У нас в Одесской области и то такой высоченной я не бачив. Добра кукурузонька!—произносит пожилой колхозник-украинец. Его голос звучит какой-то особенной почтительностью. Ведь кукуруза— кто этого теперь не знает! — это много молока, масла, мяса!

Рядом с украинскими экспонатами (за последние четыре года посевы кукурузы на Украине увеличились почти в четыре раза!) стоят алтайские. С ними нас знакомит алтаец Алексей Борисович Кольцов —бригадир тракторной бригады Змеиногорской МТС. Он сам доставил в Москву увесистый сноп и рассказывает:

— Еще три года назад в зоне нашей МТС не было кукурузы. Ни одного стебля! А сейчас? Четыре тысячи триста пять гектаров под кукурузой. Вот этот сноп взят с полей колхоза имени Сталина. Урожай — 808 центнеров с гектара. И вот что я вам скажу: с тех пор как появилась у нас кукуруза, наших коров словно подменили: они стали давать молока чуть ли не вдвое больше!

Удовлетворив любопытство посетителей, Кольцов из экскурсовода превращается в экскурсанта: идет к снопу колхоза имени Ворошилова. На расшитом поясе красуется цифра «1400»: столько центнеров зеленой массы получено с каждого гектара. И это ведь не на Киевщине, а в Свердловской области!

Алексей Борисович раскрывает блокнот и переписывает агротехнику, не пропускает ни одной цифры, ни одной буквы «биографии». На Алтае пригодится!

* * *

Фрукты и фрукты... Фрукты в огромных плетеных корзинах и вазах, из фруктов выложена большая «клумба», переливающаяся всеми оттенками алого, желтого, оранжевого и зеленого цветов. Воздух здесь так ароматен, что кажется: принеси сюда яблоки-муляжи, и они сделаются благоухающими. В павильонах «Садоводство», «Виноделие», на стендах нескольких других павильонов устроена выставка — показ плодов. Это своеобразный смотр успехов, которыми встречают 40-ю годовщину Октября колхозные, совхозные садоводы и садоводы-любители. И, надо сказать, им есть что показать!

Конечно, всеобщее восхищение вызывают фрукты Узбекистана, Грузии, Молдавии, Украины, Алма-Аты, неправдоподобно огромные грозди узбекского винограда с ягодами величиной с крупную сливу («Прямо чудо природы!»), янтарный и бархатно-фиолетовый виноград Молдавии — республики, где выращивают в среднем почти по 150 килограммов фруктов на душу населения.

Вот оно, сибирское яблочко! Любители-садоводы (справа налево) О. К. Будимирова и Г. Я. Будимиров из Сибири, П. Е. Вилков из Саратова и Ф. Т. Ищенко из Краснодарского края.

Садовод Уралвагонзавода А. Н. Романович.

Сколько ни любуйся этими прославленными в прозе и стихах «чудами», все мало. Казалось бы: нет и не может быть у них соперников. И однако же есть! И с каждым годом будет все больше — об этом убедительно свидетельствует выставка-смотр. Наше внимание привлекло скопление народа у одного стенда. Самого стенда не было видно за спинами, но зато отчетливо был слышен спор.

— А у вас не перепутаны таблички на стендах? — возбужденно размахивал руками довольно энергичный старичок. — Неужели эти румяные алмаатинцы выращены на Урале? Я сам был в Нижнем Тагиле в эвакуации и знаю: кроме диких яблочек величиной с ягоду, ничего там нет.

— Так то когда было! — спокойно возражал ему «хозяин» стенда. — А наш коллективный сад Уралвагонзавода заложен в 1949 году. Теперь он занимает более полутораста гектаров. У нас почти тысяча триста садоводов. Я сам в нынешнем году получил со своего сада 200 килограммов яблок, 60 килограммов смородины, 80 — малины, 45 — земляники, 30 — крыжовника... А на этом стенде нашего коллективного сада — 37 сортов яблок. Вот берите, угощайтесь.

— Удивительно: тагильский ренет! — начал сдаваться старичок. — Если так, то я его съем не на ходу, а в других условиях.

И он спрятал в карман подарок уральского садовода, работника Уралвагонзавода Александра Николаевича Романовича.

Если перечислить все коллективные сады того же Урала, получился бы довольно большой список. А сколько стало садов в других местах! Уже триста яблонь плодоносят у пенсионера-железнодорожника Георгия Яковлевича Будимирова, живущего в Черногорске. Это Красноярский край! Много усилий потребовалось, пока наконец удалось, как говорит Георгий Яковлевич, «в Сибири такую привилегию развести». И не только яблоки, но даже виноград!

И вот, несмотря на возраст — Георгию Яковлевичу вот-вот стукнет семьдесят пять, — поехал он в Москву с женой Ольгой Карповной, а ей тоже немало — шестой десяток на исходе. Поехал как полпред от садоводов Черногорска (а их там более ста) и, конечно, стал своего рода «именинником»: всех удивили сочные алма-атинские сорта яблок на сибирском стенде Будимирова, украшенном, словно драгоценной брошью, янтарной кистью винограда.

В суровых, «противопоказанных» садоводству краях не только «приручили» уже известные сорта, но и вывели новые, свои. И назвали их по-своему: Золотая тайга, Зорька, Добрыня, Смена, Алтайское голубое, Тагильская улыбка...

Участниками осеннего показа плодов стали тысячи садоводов-любителей. Но на стендах, конечно, не только индивидуальное садоводство. Главное место в павильонах занимает, выражаясь военной терминологией, садовая «артиллерия крупного калибра» — колхозы и совхозы, получающие от плодоводства по 10—20 и больше миллионов рублей дохода.

Вот узорным ковром выложены их яблоки: одни — с румянцем во всю щеку, другие — в яркоалых «рубашках», третьи—в оранжевых с розовой вышивкой, четвертые словно выточены из бледного мрамора. И кто-то, не удержавшись, воскликнул:

— Нарядное яблоко, красавец!

Где наливались эти совхозные и колхозные красавцы? На берегах Днестра и Днепра, в предгорьях Ала-Тау, на просторах Подмосковья и Рязанщины, в крае, которому еще совсем недавно сады и не снились,— в Сибири.

Ныне совхозы и колхозы Сибири собирают урожаи фруктов уже на площади почти в восемнадцать тысяч гектаров.

И вот это расширение географии садов — самое, пожалуй, значительное в осеннем смотре. И пусть вас не пугает это слово «смотр»: садоводы очень хорошо знают, как много еще предстоит им сделать!.. Те, кто более чем в четыре раза увеличил площади под садами против дореволюционного времени, добьются в ближайшие годы новых успехов. Будет в нашей стране на конец шестой пятилетки три миллиона шестьсот тысяч гектаров садов. Будет и больше.

В. РУДИМ

Фото И. Тункеля и Н. Карпова.

Камень на дороге

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

1

В коридоре райисполкома меня остановил пожилой лысый мужчина и спросил мрачновато:

— Факты нужны?

— Какие факты?

— Да ты же с районом знакомишься! Факты! Состояние, ход выполнения... Пойдем ко мне.

Сперва я так и не разобрал, кем он тут служит, этот человек. Кабинет его находился в самом тупичке коридора. Раньше в этой комнате помещалась касса, и по сей день в двери осталось окошечко, но над ним висела свежая табличка: «В. П. Дубоносов». На окне, выходившем на улицу, уцелела решетка из толстых ржавых прутьев. Дубоносов присел к столу; тень от решетки перечеркнула загорелую лысину.

— Факты я тебе дам первый сорт! — пообещал он, роясь в бумагах. — Сугубо отрицательные! Надо продрать!

Я впервые видел этого строгого человека и поразился, почему он с такой готовностью торопится обнажить перед приезжим язвы родного района.

— За что продрать?

— Продрать нас можно за что угодно, — объяснил он. — Была бы цель.

Что за чудак сидел передо мной? Лет ему, наверное, пятьдесят, не меньше. Вид деловой, взгляд озабоченный. Я спросил, какая цель «продирать» район.

Дубоносов всплеснул руками:

— Вот тебе раз! Надо же мобилизовать! Поднять на преодоление. Разбаловали...

— Как разбаловали?

— Вольность! — махнул он рукой. — Разве у нас так было? — Он вздохнул, посмотрел на часы и схватился за телефонную трубку: — «Зарю» дайте! Срочно!

Пока телефонистка вызывала «Зарю», он, зажав в левой руке трубку, правой рисовал чертика. Чертик получился благообразный, веселый. Дубоносов нахмурился, пририсовал ему бородку и, смяв бумажку, швырнул ее за спину.

— «Заря»? — заговорил он в трубку. — Золотухин? Дубоносов приветствует! Что утром дали коровы? Ага, ага... Оч-чень плохо, товарищ Золотухин! Нет, брось, брось, объективные причины. Ночью доложишь о вечернем удое. Я буду спать?! Когда же это я спал? До каких пор докладывать? До полного перелома. Вот так... — Он положил трубку и улыбнулся. Впервые улыбнулся, и это была улыбка усталого, всласть наработавшегося человека. — Выжимаю молочко! — похвалился он и ласково посмотрел на телефон. — Взял под контроль Золотухина — и потекло молочко... Понятно, как нужно с нашей публикой? Не понима-ают! — кивнул он на потолок, видимо, имея в виду райком. — Не понима-ают...

Я признался, что тоже решительно не могу взять в толк, как Дубоносов с помощью телефона выжимает из коров молоко.

— Вот тебе раз! Да я-то звоню! Золотухин-то мне докладывает. Лично! Два раза в сутки! И я-то ему, как говорится, ломаю хвоста. А он — бригадирам. А бригадиры — дояркам!..

— А доярки — коровам?

— Не смейся! — строго оборвал он. — Это же истина: не нажмешь — не пошевелятся. Вот брошу звонить Золотухину, посмотришь, что будет через неделю...

— Что же будет?

— Провалятся с удоем!

Он сказал это с такой убежденностью и так значительно посмотрел на телефон, что я понял: спорить с ним бесполезно.

— Трудно стало работать, — пожаловался он. — Ты на него жмешь, а ему-то не нравится! Задаются! Всякий сам себе агроном... И разговорчики... Дубоносов, мол, придирается, Дубоносов администрирует... И там, — снова кивнул он на потолок, — не поддерживают! Да что я, для себя придираюсь? — дрогнувшим голосом спросил он. — Для себя?

Мне стало жаль его. Говорил он, кажется, искренне, убежденно, и, видно, ему не сладко жилось в районе. Дешевенький пиджак выгорел добела, рукава протерлись на локтях, и, наверное, недосуг, а может, и некому было починить их. Под усталыми глазами набрякли мешочки. Нет, бесспорно, это был не вельможа, не кабинетчик, а труженик. Но что за странные речи?

— Нужны факты? — повторил он.

Но тут, к счастью, позвонил телефон, Дубоносов взял трубку, и я торопливо простился с ним.

Захваченный пестрейшей жизнью района, я начисто позабыл Дубоносова, и лишь недели через полторы о нем неожиданно напомнил Бережной Степан Онуфриевич.

Это был приметнейший председатель в Рубежанском районе. Огромный, необъятно широкий, с огненно-рыжей стриженой головой, он только в степи чувствовал себя как дома, любое же помещение казалось ему тесным. Вечно он что-нибудь опрокидывал, за что-то цеплял, что-то ему мешало. «Тьфу, понаставили, рассукины дети!» — бранился он, опрокидывая единственный стул в комнате.

В районе говорили, что Бережной вовсе не прост, что это «мужик упрямый, хитрый, кто его обманет, трех дней не проживет», но я заметил лишь, что рука у него на редкость ловка, точна и ухватиста. К чему бы он ни касался, все росло, множилось, приходило в движение, награждая людей обильнейшими плодами. Затевал ли он постройку — и вдруг оказывалось, что это лучшая, образцовейшая постройка и ее нужно немедленно показывать всему району. Покупал ли телочек и бычков — и вскоре все изумлялись: что за великолепнейшее рослое палевое стадо множилось на бережновских фермах! Заводил ли он кормовую тыкву — и все ахали: что за первостатейнейшая тыква, ни на одном поле района не растет ничего похожего...

Бережной был из тракторных механиков, звали его «практиком», «самородком», «самоучкой», да и по разговору казался он человеком невысокой образованности. Но вот однажды я что-то поздно воротился из дальней бригады, а когда подошел к бережновскому дому, освещено было только одно окно.

— Зубрит! — шепнула мне жена Бережного Наталья Филипповна, открывая дверь. — Не ходи к нему. Не любит!

Наутро я нарочно заглянул в комнату председателя и впрямь увидел на столе стопку цветастых книг и журналов.

— Читали, Степан Онуфриевич?

— Боже спаси! — зевнул он. — Картинки смотрел! Читать мне глаза не дозволяют, да и грамотешка...

Мы позавтракали, пошли в правление, и он тотчас вызвал агронома.

— Ты насчет белка турбовался? — словно бы ненароком заметил Бережной. — Белка не хватает скотине? Сей нут!

— Нут? — удивился агроном. — Да у нас же его не сеют.

— А ты посей! Толкуют: на пользу.

— Ночью вычитал, черт головатый! — восторженно шепнул мне агроном.

2

Степан Онуфриевич был великий дока насчет всяких премудростей, и не проходило месяца, чтобы он чем-нибудь не удивил район. Километрах в восьми от станицы он заложил городок для свиней, поставил, на удивление всем соседям, дешевейшие откормочники собственного сочинения, хвалился, что на копейках наживет миллионы, да, видно, не рассчитал сил... Уж очень много построек заложил он тем летом, понадобился кредит. Бережной уехал в банк в пятницу, не ночевал дома, а явился лишь в субботу после обеда злой, как черт. Вышел из машины, носком сапога толкнул калитку, чертыхнулся, присел посреди веранды на табуретку, рванул воротник:

— Жара растреклятая!

Наталья Филипповна засуетилась, сбегала в погреб, принесла литровую кружку ледяного взвара. Бережной осушил ее, пожаловался:

— Не дали грошей!

— Как это не дали? — встревожилась Наталья Филипповна.

— Не по проекту строю! — с горечью усмехнулся Бережной. — По проекту, видишь, можно и миллион вогнать в свинячьи хоромы, а тут я за сто тысяч ставлю — нельзя! Не положено! Дай утвержденный проект! Васька премилый раскопал стародавний закон, насмерть напугал управляющего банком...

— Дубоносов? — ахнула Наталья Филипповна. — Это он тебе по-родственному?

— Как по-родственному? — вырвалось у меня. — Он вам родня?

— Через дорогу наврисядки! — брезгливо

отмахнулась хозяйка.— На моей сестре женатый... Степе свояк. И нет на него власти?

— Есть власть, — объявил Бережной. — Звонил я в край, дадут грошей. Но Васька, Васька...

— Собака!— Наталья Филипповна, вырвав из рук мужа кружку, пошла прочь.

— Пойдем на волю, — предложил Бережной.

Мы вышли в сад. Был тот редкий час, когда и солнце еще не скрылось и дымчатая бесплотная скобка месяца поднялась над черепичными крышами. Степан Онуфриевич надергал сена из невысокого стожка, расстелил его по земле, прилег.

— Горе с моим своячком! —вздохнул он.— Сам себя гробит, людям кишки мотает, и не знаю, как пособить.

— А надо пособлять?

— Надо! Не чужой! Скотину пасли вместе, парубковали вместе, поженились вместе. И в партию нас принимали в одном году. Э, он тогда завзято служил! Я-то, видишь, рыхловатый, неповоротливый да и характером слабоват...

— Вы слабоваты?

— Слабоват, — сокрушенно подтвердил Бережной. — Меня еще смолоду за этот гнилой либерализм секли смертно. То одному дам послабление, то другому уважу, то третьего от выговора отведу. А у Васьки был, как говорится, железный характер, ну и сам собой он был пошустрей меня. Это он зараз сдал, а то, бывало, сядет на коня, подбоченится — гвардия! В полночь отзаседает бюро, все по домам, а Васька в седло — и по хуторам. Ох, как он любил людей поднимать среди ночи! Разбудит председателя, тот, бедолага, стоит перед ним в исподнем, глаза протирает, а Васька его отчитывает...

Оч-чень он выручал районное руководство! Оно и меня, механика, случалось, посылали уполномоченным по разным кампаниям, но куда мне до Васьки! Не умел я командовать колхозами, да и совестился, сказать по чести. Приеду в колхоз, гляжу: и председатель на месте и бригадиры — старые хлеборобы, знают, зачем пахать и сено косить. Чего же я буду над ним куражиться? Потолкую, разузнаю, в чем их слабинка,—и в степь. Там косилки настрою, там другое дам облегчение... Налетит Дубоносов — а он тогда был у начальства правой рукой, — как возьмет меня в стос! «Ты что это, либерал? Тебя командовать посылали, а ты косилки чинишь? Губы развесил?» Умчится, и, вот тебе, отзывают меня, голубчика, из колхоза, а на мое место шлют Дубоносова...

Не любили его в колхозах. Он же, как слон в посудной лавке: на копейку наторгует, на сто рублей посуды перебьет. Уж если его на сенокос послали — все побоку! Устраивает полнейший переполох. Берет командование на себя, а председателю, бригадирам, огородникам, свинарям, садоводам — всем по косе. Скосят сено, он рапорт в карман — и до свиданьичка, а председатель расхлебывай: пока сено косили, и свекла заросла, и огороды пропали, и свиньи подохли без присмотра. Вызовут председателя да его же и отхлестают: что же, мол, ты, такой-рассякой, саботажник, бездельник, без няньки не можешь шагу ступнуть? Дубоносов тебе сено скосил, а ты огороды загубил? «Да господи! — взмолится председатель. — Дубоносов-то мне и поломал всю обедню! Кабы не он, и огороды бы пропололи и сено скосили бы». Но разве ж то бралось во внимание? Считалось так: что при Дубоносове штурмом взяли, то его одного заслуга, а за то, что он тем же штурмом загубил, председатель подставляй шею...

Но, представь, сам-то Василий Павлович, своячок мой, верил в особую свою силу. Вернется с хлебозаготовок, похвалится: «Эх, если б не я, Незамаевка ни за что бы хлеба не выполнила! Месяц копались, а я за неделю выхватил!». А я-то уж наслышан, как он «выхватывал» в той Незамаевке: семена подчистую вывез на элеватор, скотину оставил без кормов. Заметишь ему: «Что же ты браконьерствуешь, друг? К чему семена вывез? Сеять-то придется! В грязь, в распутицу колхозники повезут те же семена с элеватора обратным рейсом. Как же они назовут тебя, штурмовика?» «А! — отмахнется. — Лес рубят — щепки летят! Главное — выхватил!»

Ну, то дела минувшие. Зараз я и сам гляжу на них с другой высоты. А раньше, надо правду сказать, и я не очень-то осуждал дубоносовскую методику. Штурмовал-то не он один... Цокнулись мы с ним позже, когда прислали его председателем в наш колхоз...

— Дубоносов тут председательствовал?

— Именно. На спасение был послан... И я хоть и служил в МТС, а жил тут, в этой хате. И вот выбирают Василия Павловича. Наследство ему достается самое распоследнее: колхоз доведен до божьего дыхания, трудодень пустой, люди от работы отвыкли, да и работу называли по-чудному: отбыванье. «Пойдем, Манька, на огород минимум отбывать». Спрашиваю: «Каким же путем ты думаешь выскочить?» «А вот буду бить на сознательность и подкручивать гайки».

Бережной швырнул окурок, но тотчас же снова закурил, зажмурился:

— Бож-же мой, как только он не крутил ту гайку! И коров самолично гонял хворостиной с колхозного луга, и под окнами ходил — выкликал на работу, и усадьбы столбил, и штрафовал, и исключал... А идут себе месяц за месяцем — никакой отдачи! Дубоносов аж почернел от забот. И не перекусит путем, одним табаком спасается — и хоть бы тебе что! Шарахаются от него люди, как мыши от кота. Дубоносов, допустим, у человека усадьбу режет, добавляет ему таким путем сознательности, чтобы тот человек только в колхоз глядел, а он, черт, вовсе отворачивается, ищет другую уловку. Вот такое круговращение.

Посылают меня к нему на подмогу. Спрашиваю по-хорошему: «Чем пособить тебе, Вася? Может, чего не хватает по механизации?» «Нет,— гозорит,— механизация — то второстепенная вещь! Надо саботажников прибрать к рукам. Возьмись за Иванцовых — главные мои враги». А Иванцовы — такое семейство: старик, языкатый до невозможности, сторожует; сын, мастеровой, золото-руки, левачит; шабашки сшибает на стороне; дочка колхозных коров доит, а сноха на огороде копается, — и никакого внимания на колхозное отбыванье.

Захожу к старику, а он, Аким Васильевич, ни слова не говоря, снимает со стены плеточку, подает: «На, товарищ уполномоченный!» «Это еще зачем?» «Да Дубоносов-то все ищет способа против нас, так, может, этот сгодится?» «Да вы очумели, папаша! Дубоносов из последних сил бьется, а вы саботируете?» «Я саботирую?! — кричит дед.— Да я этот колхоз затевал и по сей день стерегу, чтобы последнее не растащили, и я саботажник?!» «А сын? А сноха?» «А сноха, товарищ уполномоченный, нам харч добывает. Мы-то с дочкой служим в колхозе на домашних харчах! А сынок, спасибо ему, слева гроши прихватывает, чтоб было чем налог заплатить и заем выкупить. Ясно?» «Нет,— говорю,— папаша, не ясно! Каким же способом колхоз спасать?» «А ты не видал, как мужик коня спасает, когда бричка в воду идет? Он же постромки рубит! Ру-бит! Коню волю дает, и конь выплывает. А вы как хотите спасать? Еще крепче взнуздать? Спаса-атели!» «Да Дубоносов же с вами все способы испытал...» «Все ли? — усмехается дед. — А платить он нам за работу не пробовал? Трудодень-то пустой, и он ничего не обещает...»

Ободрал меня хитрющий дед! Говорю Дубоносову: «Вот, мол, как про тебя толкует народ... Может, переменим политику? Гайка доверху завернута, как бы вовсе резьбу не сорвать! Может, отпустим? Обернешься как-то: дашь аванс людям, подвеселишь их интересом». «Эх, ты! — качает он головой. — Крестьянская душа! Нестойкий большевик! Мужика не знаешь? Да он же закоренелый собственник, об этом еще сто лет назад у Карла Маркса написано. Мужика надо брать твердой рукой... Жаль, нет закона, а то бы они у меня заплясали! Напрочь бы отрезал усадьбы, поставки поднял, налогом регульнул!» Смотрю на него: вроде и образованный, и, как говорится, вышел из народа, не белоручка, и Советской власти как будто служит без корысти — и вот такое в голове: нажать, зажать, закрутить, регульнуть...

Разругались мы в пух! Понесся я в райком, докладываю: «Хотите колхоз спасти и Дубоносова выручить — отзывайте его сию же минуту! Замордует людей...» «А кого послать?» «Да хоть меня!» Ну, посмеялись над таким предложением — не очень-то я был похож на председателя,— но смех вышел коротким. Окончательно сорвал Васька резьбу! Когда шло собрание, я думал, его секретарь райкома с костями съест. Нет, обошлось. Покрутили его, покрутили: не вор, не мошенник,— кинули в сельхозснаб. К железу!

А мы тут начали все наоборот. Распродал я сотню свиней, схватил за это, как тогда во-

дилось, строгача, но аванс людям выдал, а через год у нас уже было две тыщи свиней. Лесу достал, хаты вдовам поправил, контору перенес в завалюху, а на ее месте ясли открыл. С того пошло...

— А что с Дубоносовым?

— Вот именно: что? Ему бы, паразиту, после крушения выдабриваться перед народом, подпрячься ко всем. А он...

— Сте-епа! — раздался со двора зычный голос хозяйки. — Сте-епа, телефон!

Степан Онуфриевич вскочил, ушел в хату, а через пять минут вышел оттуда мрачный, распаленный, и, видимо, позабыв враз обо всех Дубоносовых белого света, торопливо зашагал на ферму. Я еле догнал его...

3

Дубоносов приехал в понедельник. Мы с Бережным были на молочной ферме, и Степан Онуфриевич, веселый, довольный, рассказывал о своих помощниках, употребляя, как всегда, словечки самые крайние.

— Вон, паразит, — первая моя опора! — указал он куда-то в угол коровника.

— Где? — переспросил я, никого не примечая в углу.

— Гляди! — Бережной ткнул пальцем под кормушку, откуда торчали чьи-то стоптанные подошвы. — Эй, Иванцов!

Из-под кормушки вылез мужчина лет сорока, гибкий, плечистый, с тонкой девичьей талией, в распахнутом грязном комбинезоне.

— Ты на кого похож, скорохват? — разгневался Бережной. — Ты же механик, а не слесарь. Какого ирода сам лезешь? Подручных нет?

— Забываюсь, Степан Онуфриевич!

— Забываюсь! Премию пропил?

— Что вы! Жинка...

— Пропьешь! — убежденно сказал Бережной. — И не то горе, что пропьешь, а то горе, с кем пропьешь...

Иванцов потупился.

— Иди! — махнул рукой Бережной, но тут же остановил механика: — Когда пропивать будете? Сегодня? А завтра в совхоз ехать? Что ты там поймешь с больной головой? Надбегика на зорьке к моей жинке, она тебе щетку сочинит: редьки, рассолу, капусты квашеной; она специалистка насчет этого.

Иванцов вновь полез под кормушку, а Бережной пожал плечами:

— Бывает же так... И Васька Дубоносов и я служим вроде одной идее и одной власти. А у Васьки этот Иванцов был враг номер один, а у меня друг номер один! Васька его и штрафовал, и исключал, и усадьбу у него столбил, и прокурору подавал дело, а я седьмую премию назначаю... Электростанцию видал нашу? Поставили мы ее чин по плану, трубу сварили, а как ставить — нет сознания: первая труба в колхозе. Лежит на земле двадцатисаженная дура, а не подступимся: нет сноровки. Пытаю у Иванцова: «Ты трубы ставил?» Клянется и божится: «Сроду не ставил». Брешешь, думаю, ты же нам ее и поставишь, сатана! Не умением, так гордостью поставишь! Зову «дикую» артель. Хапуги, калымщики ломят с меня пять тысяч! Ряжусь при Иванцове, да еще жалобно ряжусь, намекаю на безвыходную ситуацию: нет, мол, спеца. Иванцов мой пламенем горит: «Дайте сутки на соображение!» «К чему? Все одно не поставишь!» «Подумаю!» «Думай!» День думал, а на ранней зорьке наладил стрелу, лебедочку — и взлетела труба, как свечка! Хапуги просыпаются, а она стоит. Сто сот мужик...

— А называете паразитом?

— Люблю без памяти! — объяснил Бережной и оглянулся: — Ох, господи, кажись, своячок пожаловал! Ну я его...

По проходу, постукивая коваными каблуками, шел Дубоносов. Видно, проехал он в этот день не один десяток верст: и на картузе, и на плечах, и на шее серела пыль.

— Новиночку тебе показать, Вася? — приветливо спросил Бережной, здороваясь.

— Какую еще новиночку? — строго спросил Дубоносов.

— Иванцов устроил.

— Иванцов? — нахмурился Дубоносов.

— Ну да, Иванцов, твой старый приятель. Маруся, кнопочку!

Черт возьми, это была великолепная новинка! Круглолицая доярка подошла к стене, нажала еле приметную кнопку — и в тот же миг пять вагонеток помчались над кормушками. У пяти крайних коров они остановились, что-то щелкнуло, и вагонетки перевернулись, высыпав молодую траву прямехонько к коровьим мордам.

Бережной торжествовал, но на Дубоносова новинка не произвела ни малейшего впечатления.

— Н-ничего, — сказал он кисло.

— Ничего?! — с величайшей обидой закричал Бережной. — Да это ж всесоюзная штука! Ты гляди, как он доярок облегчил! То доярка на вилах разносила корм, утруждалась, а теперь-то — кнопочка! Автоматика! Принцесс сделаем из доярок! Чуешь, Маруся?! Принцессой будешь, расподлейшая твоя душа!..

— Вы скажете, Степан Онуфриевич!..

— Принцессой! И пальцем не коснешься ни к корму, ни к молоку. Как, Иванцов, сочиним?

— Надо сочинить...

Бережной взял Дубоносова под руку, и мы вышли из корозника, присели на бревнах.

— Ты по делу ко мне, Василий? — спросил Бережной.

— Нет, попутно. В «Заре» был насчет молока...

— Пособил?

— Наломал хвоста Золотухину.

— Ну, будет молоко! — усмехнулся Бережной и, наклонившись к Дубоносову, заговорил мягчайшим полушепотом: — Вася, родненький, не выставляй ты себя на смех людям! Как ты мог наломать хвоста Золотухину?

— Обыкновенно! — пожал плечами Дубоносов, показывая, что это для него привычное занятие. — Каждый день слежу...

— Ты за ним? Да Золотухин же зоотехник, умница, хозяин, смелейшая душа! А ты...

— Кто я?

— Да ты же как вызубрил в тридцать первом году, что сеять надо рано, а молоко у коровы на языке, так двадцать пять годочков и спасаешься тем агроминимумом.

— Глупости! — гордо возразил Дубоносов. — А опыт?

— По ломанью хвостов? В тридцать втором году ты ломал хвоста неписьменному Мефодию и с тем же вооружением лезешь к ученому зоотехнику? Опомнись! Золотухин же смеется над тобой. Мало тебе фасоли?

Я не понял, о какой фасоли говорит Степан Онуфриевич.

— Рассказать? — подмигнул Бережной.

— Охота вспоминать хулиганскую выходку? — зарозовел Дубоносов.

— Расскажу! — с удовольствием возразил Бережной и кивнул на свояка. — Он же критик, наш Вася! Так людей сечет, спасения нет. Налетит, ширнет карандашиком в землю, замеряет глубину пахоты — и готов приговор! Ну, хлопцы и решили подшутить. Насыпали в кошелку клещевины: нате вам, Василий Павлович, свежей фасоли на суп, а то у вас огорода нет... А Вася по своей агрограмоте не отличил клещевину от фасоли, привозит жинке подарок. Наелись они супа! Клещевина — это ж касторка! Твое, Вася, счастье, что она вареная не действует на живот, а то как раз пришлось бы тебе, как деду Щукарю, спасаться в подсолнухах, не застегивая штанов...

— Сказки! — закричал Дубоносов.

— Кабы сказки! — ласковейше отпарировал Бережной. — Не сказки, а слезы! Жинка-то тебе ребра пересчитала за агроопыт! А в райком не ты бегал с жалобой, что на тебя покушение сделали, хотели жизни лишить? Не валялось все бюро в лежку от смеха?

Бережной сжимал колыхающийся от хохота живот, а я не узнавал его. Обычно добродушный, он с наслаждением издевался над Дубоносовым, а тот сидел, сгорбившись, и сосредоточенно смотрел вниз. У ног его хлопотали муравьи, надсаживаясь, тащили под бревно былинку. Дубоносов растоптал подошвой муравьев, выпрямился, гневно глянул на Бережного:

— Смейтесь, смейтесь! А все-таки мне же и приходится вас учить!

— Ну-ну, — подзадорил Бережной. — Чему же ты нас учишь?

— Анархию разводите! Во всем... Отсебятину! Не ты объединил тракторную и полевую бригады?

— Ну?

— Да это же политически неправильно! — обрадованно закричал Дубоносов. — Пускай я в деталях слабее вас. Но политически, извините! Соединили две формы собственности! Анархисты!

Лицо Бережного вытянулось.

— И трактора ты собрался покупать, — ободрившись, сказал Дубоносов. — Это зачем? Когда были колхозам положены трактора? Где написано? Молчишь? А я же тебя насквозь вижу, ты же трактора купишь с навесными сенокосилками, а у МТС прицепную не возьмешь! Ведь не возьмешь?!

— Навесная выгоднее, — серьезно подтвердил Бережной. — На прицепную, Вася, надо человека сажать. Нет расчета!

— Вот-вот, нет расчета! — подхватил Дубоносов, и в голосе его зазвучали победные нотки. — Теперь вы все рассуждаете: расчет — не расчет, выгода — не выгода. Но надо же исходить не из узкого расчета, а из высших интересов! К чему мы придем?

— К хорошему придем, — спокойно сказал Степан Онуфриевич, как видно оправившийся от дубоносовской контратаки. — Раз люди делают то, что выгодно, — прямехонько к хорошему придем. Ты против?

— А порядок? Система? — не унимался Дубоносов. — Сегодня ты трактор покупаешь, а завтра комбайн попросишь... А послезавтра...— Дубоносов тревожно оглянулся, понизил голос: — Послезавтра ты скажешь, что и вовсе не нужна МТС?! Куда же нас заведет эта опасная дорожка? Агрономы! А с оплатой ты что творишь? Какие-то премии дояркам за шестнадцатый килограмм. Почему за шестнадцатый? Где логика? Чем обосновано? Был твердый общий порядок...

— Порядок был, молока не было, — вздохнул Бережной.

Дубоносов не ответил. Он выпростал грязную тряпицу, обмахнул пыльное, вспотевшее лицо. В уголках глаз остались комочки грязи.

— Дозволь! — Бережной достал белый, сложенный вчетверо платок, тщательно очистил дубоносовские глаза, обтер платок о бревно. — Жинка за тобой плохо смотрит, — с участием сказал он, по-докторски окидывая глазом обтрепанное одеяние свояка. — Не ладишь с ней?

— А ты не знаешь ее? — поморщился Дубоносов. — Карьеристка!

— Какая она карьеристка? — мягко возразил Бережной. — Жинка как жинка. Хочет, чтоб люди поважали тебя. Жить хорошо хочет. А ты вот ноги бьешь, воюешь. А разбери тебя, за что ты воюешь, зачем ноги бьешь? Был у Золотухина, сам притомился и у дельного человека, наверно, часа два оторвал бессмысленным разговором...

— Нет, извини, я его так пробрал, что...

— Вася! — взмолился Бережной. — Как ты можешь его пробрать? Он за год колхоз поднял, а тебя колхозники рассчитали. Как он тебя послушает?

Это был жестокий и меткий удар. Дубоносов побледнел, отвернулся; его подрагивающие пальцы еле выхватили папиросу.

— Мне дешевый авторитет не нужен! — сказал он глухо и добавил упрямо: — А воевать я буду. Анархия? Нет, извините! Я, если хочешь, нарочно сегодня звонил в краевую контору, попросил переадресовать трактора. Не купишь, Степан...

— Что?! — всполошился Степан Онуфриевич, и я вспомнил, как он всю неделю прикидывал приспособить небольшие, верткие трактора для внутренних нужд. — Да ты что, — покрутил он пальцем у виска, — вовсе тронулся? Как это ты позвонил?

— На свою ответственность. Считаю...

— Что ты можешь считать, падло несчастное?! — взорвался Степан Онуфриевич. — Систе-ема?! Систему он бережет! Что ты в ней смыслишь, в системе, задрипанный буквоед? А ну, езжай сию же минуту в город, отменяй! Сию же минуту!

Дубоносов поднялся.

— Нашелся единственный на район верноопреданный! — бушевал Степан Онуфриевич. — Да мы-то кто? Пешки? Привык, собака, людям хвосты ломать, так думаешь, они безголовые?! Геть отсюда!

Дубоносов, наверно, не ожидал такой вспышки и растерялся. Он попятился от бушующего Бережного, споткнулся о бревно и, повернувшись, быстро зашагал к коновязи. И когда он взбирался на высокую двухколесную бе-

дарку, с трудом поднимая худые ноги, мне снова стало жаль этого странного человека, который в зной, в пыль колесит по району, волнуется, хлопочет, хрипнет у телефонной трубки, но, кажется, не доставляет ни малейшей радости людям...

— Кишкомотатель! — выдавил Степан Онуфриевич, когда Дубоносов скрылся за фермой. — Ну что с ним делать, скажи, пожалуйста! В сельхозснаб его кинули, он такую процедуру завел — застонали колхозы. В банк перевели, а там еще хуже: таких рогаток понаставил — к собственным грошам не пробьешься. В райисполком взяли, видишь? Завидки точат, собаку! Как же так: его отставили, а дело зашумело! Он тут без толку гайку крутил, людей мордовал, а мы на том же месте хозяинуем, и люди у нас без всяких нажимов и прижимов, в охотку работают, и миллионы растут, и постройки поднимаются, и молоко рекой льется... Завидует, торбохват! А ну его совсем! Пойдем...

Мы зашагали в станицу. Дорога рассекала роскошный виноградник, и в другое время Бережной непременно бы остановился. Но сейчас он только на ходу сорвал небольшую кисть, разжевал одну ягодку и сплюнул.

— Как оно у докторов называется? — задумался он. — Закостенение мозгов? Окостенение? Не так? Ну, неважно, как оно там называется, а именно эта у него болячка. Их у нас тут трое на район, таких теоретиков, публика их прозвала «совет нечестивых». Сломаем мы какой-то старый забор, а они уже кричат с перепугу: «Анархия! Куда идем?! Надо зажать!». Ох, как же они взбегались, когда налоги снизили! А тут раз за разом пошли новости: то планировать нам самим дозволили, то дали права насчет Устава... А подошел срок — насчет поставок затеяли разговор: вовсе отменить поставки с колхозников, облегчить людей. У всех радость, а Дубоносов прибегает в прах перепуганный: «Да что же это будет, Степа? Да люди же при такой вольности вовсе в свои усадьбы врежутся, кто же в колхозе будет работать? Чем заставим?» «Да с чего же это, — говорю, — они в усадьбы врежутся? Трудодень у нас не пустой, а трудовой, какой смысл человеку врезаться в усадьбу? Протри глаза!» Не верит! У людей на службе, а им же и не верит, все они у него саботажники, хитрецы, шляпы, пешки, а он один верноподданный законник!

Бережной уже не гневался и все-таки говорил о Дубоносове с глубокой озабоченностью. Это озадачивало: неужели так уж донял его свояк? У Дубоносова не было власти над районом и колхозом, его каверзы были для Бережного не опасны. Что же тревожило Степана Онуфриевича?

— Не понял? — рассердился он. — Да мы-то идем по нехоженому! Одно пробуем, другое берем на испыток. И не все ж получается! А пробовать надо... Вот соединил я полеводов и трактористов, сам вижу, что не до конца додумано. Как Васька говорит? Две формы собственности... Но надо ж попробовать! Было-то хуже: два хозяина в поле... Но ему-то плевать на то, что было хуже. По его рассуждению, пусть молока не будет, была б в целости инструкция. И вьется и вьется над головами, гудит и гудит: «Анархисты! Отсебятина! Неправильно!» Мутит людям души, а если попадется ему молодой, нестойкий хлопец, он того и вовсе остудит. А ты бы послушал, когда они втроем сойдутся, нечестивые! Хоть святых выноси. Я уж им сказал как-то: «Смотрите, дружки, шутки шутками, а не одумаетесь, растравите друг дружку, как бы вам, часом, вовсе за возом не оказаться!». А Ваську жаль! — сказал он неожиданно. — Был бы прохвост, мошенник — туда ему и дорога. А то ж не чужой...— Бережной приложил ладонь к бровям, усмехнулся: — Гляди, как чешет!

Дубоносов обогнул лежащую в ложбине ферму, и теперь его бедарка, подпрыгивая, катилась по верхнему тракту. Было видно, как отчаянно он нахлестывает буланого конька.

— Ну куда его? — спросил Бережной. — На пенсию? Рано! Он еще годочков десять смело землю потопчет. Кабы одумался!..

Степан Онуфриевич, заглядевшись на улепетывающего свояка, споткнулся о булыжник, невесть кем брошенный посреди дороги, и сгоряча так поддал его носком сапога, что серый, пыльный камень, ковыляя, перекатился через дорогу и свалился в кювет. Бережной проводил его быстрым взглядом, но ничего не сказал.

Полчаса спустя мы входили в станицу.

«Мы остались довольны»

— Мы чрезвычайно довольны нашей поездкой в Советский Союз и гостеприимством, которое встретили здесь у представителей Советского комитета защиты мира и у всех советских людей.

Так заявил нам депутат греческого парламента, бывший министр Андреу Заккас. Господин Заккас возглавляет греческий Комитет за разрядку международной напряженности и за мир. В Советский Союз он приехал как руководитель делегации видных общественных деятелей Греции, выступающих за мир.

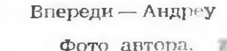
Мы спрашиваем господина Заккаса о том, что думают в Греции о важнейших проблемах современности — разоружении и запрещении атомного и водородного оружия.

— Греческий народ,— говорит нам Андреу Заккас,— очень сильно пострадал от войн и от несправедливого отношения к нему великих держав. Пример такого отношения — Кипр, где народу отказывают в его святом праве — праве на самоопределение. Поэтому мы хотим справедливого мира, при котором бы не существовало угнетенных народов и стран-угнетательниц, при котором право на самоопределение признавалось бы за каждым народом. Однако, чтобы достичь такого справедливого мира, нужно настоящее и эффективное разоружение, нужно запретить атомное и водородное оружие. Известно также, что только разоружение могло бы серьезно облегчить экономические тяготы.

Каждый из нас, — говорит в заключение Андреу Заккас,— мог бы рассказать вам многое о том, какое большое впечатление произвели на нас великие преобразования, которые происходят в Советском Союзе, успешное развитие техники, систематические усилия в области народного образования. Мы посетили советские заводы, и нам очень понравились простые, человечные отношения, которые существуют у вас между рабочими и руководителями предприятий. Все мы были очарованы советским искусством. Но главное, что мы увезем отсюда,— это уверенность в том, что добрый и благородный советский народ питает подлинно дружеские чувства к греческому народу.

А. СЕРИКОВ

Гости из Греции на Красной площади. Впереди — Андреу Заккас.

Фото автора.

Элеонора Рузвельт в СССР

Госпожа Элеонора Рузвельт и художник А. М. Герасимов у портрета Франклина Рузвельта, переданного художником для дома-музея покойного президента США в Гайд-парке.

В Советском Союзе недавно гостила общественная деятельница США, супруга покойного президента Соединенных Штатов Ф. Д. Рузвельта госпожа Элеонора Рузвельт.

Госпожа Э. Рузвельт посетила ряд городов и районов нашей страны. Она собирается описать свои впечатления в серии статей, которые будут опубликованы рядом газет в США.

Покидая СССР, госпожа Элеонора Рузвельт написала для опубликования в журнале «Огонек» следующие слова:

«Я уезжаю на родину с надеждой, что между нашими народами увеличится взаимный обмен и возрастет взаимопонимание.

Элеонора Рузвельт».

I go home with the hope that there will be more interchange between our peoples & a growing understanding
Eleanor Roosevelt

В гостях у «Огонька»

Редакцию «Огонька» посетил известный индийский критик и писатель, один из организаторов Ассоциации прогрессивных писателей Индии, г-н Саджад Захир. Саджад Захир гостит в нашей стране по приглашению Союза советских писателей.

В гостях у «Огонька» побывали крупный аргентинский писатель, бывший президент Ассоциации писателей Аргентины Эзекиель Мартинес Эстрада и аргентинский врач Сильвия Берман. Наши гости прибыли в СССР по приглашению Советского комитета защиты мира. Оба они активные участники движения сторонников мира Аргентины.

ЛОДЖ ЗАЩИЩАЕТ ПОКОЙНИКА

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Рисунок Бор. **ЕФИМОВА.**

В течение двух дней господин Лодж и его подопечные демонстрировали на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН свою привязанность и преданность покойнику, хранимому американскими вооруженными силами в бронированном тайваньском гробу. В пылу спиритического усердия разлагающийся труп исполнил воинственную пляску, полную процедурных каверз. Участвовали в этой кладбищенской кадрили прямые и косвенные должники США; усердие определялось также обязанностями военных союзников.

Покойник этот обошелся США недешево. В свое время он поглотил немало миллиардов долларов и миллионов тонн вооружений. Но, как скорбно зафиксировал в свое время американский госдепартамент, покойник отличался вороватостью, невысокими умственными и государственными способностями. Предвидя смертельный исход, госдепартамент в своем официальном документе констатировал тогда, что правительство Чан Кайши, кроме всего прочего, «потеряло доверие своей армии и своего народа».

Казалось бы, господину Лоджу следовало доверять американскому госдепартаменту больше, чем кому-либо. Но в данном случае господин Лодж почему-то отказал госдепартаменту в доверии и вот уже в течение многих лет подобострастно преклоняется перед мощами. Мало того, он склонил к тому же занятию почтенных делегатов покорных США стран.

Господин Лодж надеется воскресить сохраняемые в тайваньском гробу мощи с помощью современной американской военной техники, которую столь крикливо рекламировал на предыдущих заседаниях господин Даллес. Склонность к мистицизму, надо полагать, является психологической особенностью господина Лоджа, и осуждать его за это было бы просто несправедливо. Но когда господин Лодж вместе со своими соратниками пытался спихнуть с земного шара четвертую часть человечества, то возникло уже естественное беспокойство за рассудок этих поклонников мертвечины...

Во время обсуждения повестки дня XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН выступил делегат Индии Кришна Менон и поставил вопрос о необходимости восстановления представительства в ООН Китайской Народной Республики. Это была ясная, глубоко аргументированная речь. Делегат Советского Союза товарищ А. А. Громыко, как и представители многих других стран, поддержал предложение делегата Индии.

В анналах ООН отмечено, что этот вопрос ставится уже в течение восьми лет, хотя такая летопись и не составляет лучших страниц деятельности этой организации. Но господин Лодж озабочен не столько престижем ООН, сколько сохранением дальневосточной военной базы США, сооруженной на Тайване. И эти военно-стратегические побуждения возобладали над всеми иными.

Целых два дня, предшествующих заседанию, были потрачены американским блоком на обучение ораторов, которым надлежало доказать, будто Китайской Народной Республики не существует. Но, как видно, не все ученики блистали яркими способностями. Так, представитель Перу, выйдя на трибуну, не нашел ничего лучшего, чем пожаловаться Ассамблее на то, что о КНР «публикуются весьма противоречивые сведения». Делегат Гватемалы с судорожной поспешностью оповестил, что признает только Чан Кай-ши и считает для себя честью работать с его ставленниками в ООН... Даже сами чанкайшисты, сидящие в зале, смутились от столь галантного признания. За последние годы они уже привыкли к роли малопочетных привидений, которых американские спириты вызывают из загробного мира только на сеансы голосования или в чрезвычайных случаях.

Что же касается представителя Малайи, которому незадолго до этого Ассамблея аплодировала как самому молодому члену ООН, то выступление его по данному вопросу можно было объяснить только поспешностью, горячим стремлением как можно скорее зарекомендовать себя усердным почитателем правящих кругов США. Он объявил, что правительство Малайи тратит по 100 тысяч американских долларов в день «на борьбу с коммунистами» и в силу этих обстоятельств он против восстановления КНР в ООН. Столь развязная полицейская логика вызвала возмущенный ропот даже в видавшем виды зале ООН.

Вторично выступивший делегат Индии в яркой, глубоко обоснованной речи подвел итоги дискуссии. С неопровержимой логикой он показал, что ООН не может быть истинным форумом наций и принимать решения по основным международным вопросам без участия одного из величайших в мире государств.

Речь Кришна Менона привела в страшное волнение г-на Мунро, председательствовавшего на Ассамблее. Используя свою прерогативу, Мунро счел возможным прервать оратора, заявив, будто он отклонился от существа вопроса.

Кришна Менон в ответ вежливо осведомился: «Очевидно, вам не нравится то, что я говорю?»

Председатель задумался, насупился. Действительно, лицо его в это время не выражало одобрения, но теперь, после некоторого размышления, он не придумал ничего лучшего, как повторить с угрюмым упорством: «Прошу придерживаться рамок обсуждаемого вопроса!» Прецедентов подобного вмешательства в речь оратора на памяти членов Ассамблеи еще не было. И такое вмешательство, несомненно, могло бы сбить менее стойкого человека. Но Кришна Менон закончил свою речь так же, как начал, подтвердив неизменность позиции Индии по обсуждаемому вопросу.

Выступление Лоджа после яркой речи К. Менона выглядело достаточно тускло. Чтобы блеснуть эрудированностью по данному вопросу, Лодж сообщил, что он читал доклады беженцев в Гонконг и поэтому отлично осведомлен в государственных делах КНР. Вот, оказывается, из каких источников Лодж черпает свою информацию! Что и говорить, признание блестящее, только источник грязненький! Но это уже дело вкуса.

Потом оратор сообщил, сколько США потеряли своих солдат в Корее. И тут же с удивительной последовательностью объявил, будто он выступает в качестве друга китайского народа, восхищается его душой и тысячевековой культурой, а в заключение... категорически потребовал отклонить предложение Индии.

И снова заработала машина голосования. Двадцать девять — за предложение Индии, сорок три — против, девять воздержались.

Таковы цифры. Но подводить итог преждевременно. Народы мира узнают, о чем говорилось на этих двух дневных заседаниях. Речи делегатов Советского Союза, Украины, Белоруссии, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Индии, Эфиопии, Бирмы, Непала и многих других делегатов, стоящих на позиции мира и справедливости, отвечают интересам совести человечества, и рано или поздно народы скажут свое слово.

Что же касается бронированного тайваньского гроба с мощами чанкайшистской клики, то пусть господин Лодж сколько ему угодно преклоняет перед ним свои колени, оплакивая как те миллиарды американских долларов, в которые уже обошелся покойник, так и те, которые еще уйдут на его бальзамирование...

Тлен есть тлен, и им можно только отравлять чистый воздух мира, и то весьма непродолжительное время.

Нью-Йорк
30 сентября.

На улицах Нью-Йорка.
Фото Н. Лыткина.

Празднование 8-й годовщины со дня провозглашения Китайской Народной Республики в Пекине. На снимке: Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун и глава делегации Верховного Совета СССР А. Б. Аристов на трибуне.

Фото агентства Синьхуа.

Праздник победившего народа

Китайская Народная Республика отпраздновала свое восьмилетие.

Утренней солнечной дымкой подернута площадь Тяньаньмынь. Ровно в 10 часов на центральной трибуне появляются товарищи Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ, Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Чэнь Юнь, Дэн Сяо-пин и другие руководители КНР. Вместе с ними посланцы дружественных стран, в том числе делегация Верховного Совета СССР во главе с товарищем А. Б. Аристовым.

Торжественно звучит государственный гимн. Заместитель премьера и министр обороны Пын Дэ-хуай после объезда войск обращается к ним с трибуны с краткой приветственной речью. И вот на площадь с развернутыми знаменами вступают слушатели Военной академии и курсанты военных училищ. Проезжают отряды мотоциклистов и десантников на отечественных машинах марки «Освобождение». Их сменяет артиллерия; мощные тягачи везут крупнокалиберные орудия. В воздухе проносятся реактивные истребители и бомбардировщики, а внизу уже гремят по камням площади самоходные орудия и танки. Великий китайский народ вооружил свою армию самым современным оружием.

То, что китайский народ хочет мира и только мира, наглядно показала народная демонстрация, удивительно яркая и красочная. Над площадью плывут громадные корзины с живыми цветами. Плакаты, знамена, флажки с надписями на языках национальных меньшинств Китая. Идут рабочие, крестьяне, торговцы. Легкокрылые голуби и громадные воздушные шары взлетают над толпой.

Полмиллиона человек прошло перед трибунами Тяньаньмыня 1 октября 1957 года.

А. ЛАРИН,
собственный корреспондент «Огонька».

Пекин, 1 октября (по телефону).

Японские социалисты в Москве

По приглашению ЦК КПСС в Советском Союзе находится с дружеским визитом делегация Социалистической партии Японии во главе с Тэцу Катаяма.

На снимке: японские гости в павильоне «Машиностроение» на Всесоюзной промышленной выставке.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

Контакты — надежда мира

Этот заголовок для отчета о беседе с членом английского парламента Эрнестом Дэвисом был предложен самим господином Дэвисом. Встреча с ним произошла во время поездки по Советскому Союзу, которую он совершал по приглашению группы депутатов Верховного Совета СССР.

Эрнест Дэвис — один из видных деятелей лейбористской партии. В парламенте Англии он занимает депутатское кресло с 1945 года. Политическая позиция Эрнеста Дэвиса полностью соответствует официальной линии руководства лейбористской партии. Уже в самом начале беседы он подчеркнул, что поездка по Советскому Союзу нисколько не поколебала его политические взгляды. Тем интереснее было услышать впечатления английского гостя о нашей стране.

— В Советском Союзе я второй раз. Впервые я побывал здесь в 1935 году. И, сравнивая прежние впечатления с тем, что я вижу сейчас, я должен сказать: изменения потрясающи! Это касается всего: и внешнего вида людей, и облика городов, и развития техники... За то время, что я нахожусь в СССР, я успел побывать в различных учреждениях, начиная от обычной школы и кончая центрами руководства промышленностью. В школе я видел веселых, здоровых и счастливых детей. Рабочие в вашей стране знают, что чем лучше и больше они работают, тем больше они получат от общества. Мне очень понравилось, что повсюду каждый человек чувствует себя членом всего общества. Это сознание развито очень высоко. В Англии с таким сознанием дело обстоит иначе.

Все это я должен отметить, хотя,— снова повторил Эрнест Дэвис,— я и не принадлежу к поклонникам вашей политической системы.

— Что вас особенно интересует в Советском Союзе?

— Управление хозяйством. Дело в том, что на родине я вхожу в комитет, который управляет национализированным транспортом. Поэтому для меня интересно знать, как управляется ваша промышленность и транспорт.

— Считаете ли вы, что наш опыт может помочь вам в управлении национализированными отраслями промышленности?

Г-н Дэвис отвечает на этот вопрос, несколько помедлив:

— Трудно сказать. У вас все по-другому... Но все же, если говорить в общем, мы можем поучиться друг у друга.

— Какая из ваших встреч в Советском Союзе была самой интересной?

— Пожалуй, встреча в Ленинградском совнархозе. Во время бесед с работниками совнархоза я обнаружил, что между совнархозом и Ленинградским городским Советом бывают разногласия, что работники этих органов не всегда соглашаются по хозяйственным вопросам и спорят порой очень запальчиво.

— И это вас удивило?

— Если хотите, да. Дело в том, что по приезде в Англию я хочу рассказать как можно большему числу людей — я ведь тоже журналист — о жизни в Советском Союзе. Англичане, на мой взгляд, не представляют по-настоящему, что ваш народ живет нормальной, обычной жизнью, что ваши люди едят, пьют, работают, развлекаются так же, как все, как мы в Англии. И, [illegible] точки зрения, то, что я узнал в Ленинградском совнархозе, выглядит вполне нормально...

Эрнест Дэвис и его супруга.

Фото автора.

— Каково ваше главное впечатление от поездки в Советский Союз?

— Прежде всего я должен сказать вам, что я и раньше выступал за развитие контактов между нашими странами. Я, например, считаю ошибкой, что поездка в Советский Союз английского балета «Сэдлерс Уэллс», намечавшаяся на осень прошлого года, была отменена английской стороной. Можете записать это в свою записную книжку. А теперь чем больше я и моя жена путешествуем по вашей стране, чем больше людей мы здесь встречаем, тем нелепее нам кажется существование международной напряженности. Вам нравится ваша система — прекрасно! А нам нравится наша. Но люди у вас хотят мира, и англичане тоже хотят мира. И, по моему мнению, чем больше будет контактов между нашими странами, тем меньше останется возможностей для войны. Поэтому, возвратившись на родину, я буду всячески содействовать развитию связей между нашими странами.

Мы пожелали господину Дэвису успехов в этом.

А. СЕРБИН

Запыленным, небритым, измазанным машинным маслом увидели мы студента 3-го курса механико-технологического факультета Михаила Мясоедова — командира комбайна. Со своим студенческим экипажем он занял первое место в молодежном соревновании.

Не пищать!

С. ФРИДЛЯНД

Галя Майорова — член экипажа Михаила Мясоедова. Девушка не новичок на целине. В этом году она «повысилась в чине» от копнильщицы до штурвального. Ее будущая специальность — электровакуумное машиностроение, но и на передовом комбайне она успешно справляется с делом.

Тяжелой струей сыплется зерно из автопогрузчика. Сколько часов уже работает Галя Некрасова, будущий специалист по двигателям внутреннего сгорания? С рассвета безостановочно идут машины, отвозя зерно с тока пятой бригады. Пыль забивает горло, порошит глаза. Трудно, конечно, но Галя «не пищит». Доверительно она сообщила нам, что поправилась на пять килограммов.

— Я утешаю себя тем,— сказала она,— что не одинока в этом «бедствии». Почти все наши ребята прибавили в весе. А почему, не знаю: и разносолы не ахти какие и работать трудненько приходится...

Отзвучали напутственные речи, отгремели оркестры. Эшелон комсомольского ударного отряда МВТУ имени Баумана — тысяча триста студентов с шести факультетов института — двинулся на восток под звуки сочиненной по этому случаю веселой песни:

Не беспокойся, мама,
С улыбкой провожай!
По зову комсомола
Мы едем в дальний край.

Московское ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ имени Н. Э. Баумана

УСТАВ КОМСОМОЛЬСКОГО УДАРНОГО ОТРЯДА МВТУ им. БАУМАНА

В выработанном сообща уставе юноши и девушки записали, что они являются «добровольным ударным отрядом и направляются на напряженный труд на целине, на борьбу за хлеб, за счастье народа». Среди серьезных, шуточных, стихотворных и писанных прозой лозунгов на стенках вагонов самым приметным был короткий и веселый: «Не пищать!»

Следуя чудесным комсомольским традициям, составители устава перечисляют свои принципы: самоотверженный труд, железная, революционная дисциплина, мужественное преодоление любых трудностей и товарищеская взаимопомощь. Пятый, и последний, пункт устава гласит: «Если же любой из членов отряда нарушит словом или делом свои обязанности, забудет принципы ударного отряда, его ждет презрение товарищей и немедленное удаление с целинных земель».

К чести тысячного отряда студентов МВТУ, применять этот пункт не пришлось. Сплоченный и работящий студенческий коллектив прибыл на помощь целинным хлеборобам Кустанайской области. Недаром так упорно, всю зиму и весну готовились к этой поездке студенты. Отрывая дорогое время от часов учебы, многие из них успешно закончили в институте курсы. Когда «бойцы» отряда распределились между шестью совхозами Узункольского района, среди будущих машиностроителей, прибористов, котлостроителей и компрессорщиков нашлись дипломированные комбайнеры, трактористы, сельские строители, полевые бригадиры.

Студент 4-го курса Георгий Чуковский возглавил в Новопокровском совхозе тракторно-полевую бригаду, почти целиком укомплектованную из участников комсомольского отряда. Блестяще финишировав в сентябре, бригада завоевала вымпел первенства среди прочих бригад совхоза.

Студенты-строители начали с изготовления кирпичей, а затем соорудили здание птицефермы, кузницу, сварочную мастерскую и между делом одарили очередную пару молодоженов в Арзамасском совхозе новым домом.

И для веселой песни под баян студенты-целинники находят время. В общем, девиз отряда «Не пищать!» выполняется неукоснительно.

ЭТОТ

Рассказ

Наталья ДАВЫДОВА

Рисунки Н. ГРИНШТЕЙНА.

— Заниматься болтом и ржавым гвоздем буду я, а он пускай бы охватил весь объем работ, если он начальник! А ржавые гвозди я буду доставать. Я это лучше знаю! — кричала высокая женщина в странном сарафане, из которого она как будто выросла.

«Это невыносимо»,— думал ее собеседник.

Разговор происходил на лугу среди ромашек и колокольчиков, высокой травы и серебряного ковыля. Неподалеку сбивчиво тарахтел трактор. Пахло мятой, сухой травой, полынью, горячей землей и нефтью.

Женщина нагнулась и стала пить воду из родничка. Роднички в этих местах били повсюду, неожиданные, стремительные, ледяные.

Женщина пила с ладоней, захлебываясь, и не могла оторваться. Она поливала водой руки, плечи, ноги: было жарко.

— Пейте, пейте,— говорила она, поднимая ясные голубые глаза на своего спутника.— Что ж вы не пьете? Такая вкусная вода! Пейте, угощайтесь.

— Я не хочу, Вера Петровна, не хочу я пить,— упрямо отказывался мужчина.

— Эх, напоила бы я всех сейчас такой водичкой! — сказала Вера Петровна.— Жаль, не могу.

И она опять нагнулась к роднику. Мужчина отошел в сторону и стал заводить часы.

Ему хотелось стукнуть Веру Петровну по голове, так она ему надоела за сегодняшний день. Она шумела, ругалась, хвасталась. По ее словам выходило, что никто не умеет работать, только она и несколько монтеров. А главное, никто не любит свою работу, только она любит. А его, молодого инженера Еремеева, она особенно ругала. И равнодушный он, и непонятно, чему его учили в институте, и непонятно, что из него получится в жизни.

Она его ругала, а он молчал. Юное лицо Еремеева как бы говорило: «Ори, тетка, ори, мне на тебя наплевать, ну еще поори, я послушаю».

Еремееву хотелось пить, он не пил нарочно. «Из принципа»,— сказал он себе. А Вера Петровна даже воду пила громко.

— Ладно, товарищ Еремеев, пошли дальше.

Вера Петровна в последний раз провела мокрой рукой по лицу, смочила коротко стриженные волосы и потянулась.

— Эх, жизнь наша!

На вид Вере Петровне было лет тридцать пять, но могло быть и меньше. Лицо ее было бронзово-загорелым, брови и ресницы на степном солнце стали почти белыми, волосы рыжеватыми. Все в ее лице и фигуре было крупно, отчетливо, дерзко, только голубые глаза добрые, застенчивые.

Вера Петровна ловким движением вытянула из кармашка своего красного сарафана две папиросы из надорванной пачки, одну протянула Еремееву.

— Не люблю, когда женщина курит,— заметил Еремеев, но папиросу взял,— и громко разговаривает.

— И я не люблю,— не обидевшись, сказала Вера Петровна,— но ничего не поделаешь.— Она с грустью посмотрела на дальние холмы и белые облака над ними, как будто там, в облаках, бродила некурящая Вера Петровна с тихим, нежным голосом и мягкими движениями.— Да,— она мотнула головой, отгоняя видение,— конечно. А как мне с вами справляться без крика,— она опять возвысила голос,— скажите, как? Вот с вами, например?

— Оох! — Еремеев поморщился.

— Нечего охать!..— накинулась на него Вера Петровна.— Брючки вас научили гладить, а работать не научили. Вы мне скажите, что вас в жизни интересует? Ничего вас не интересует.

— Вы в этом уверены? — спросил Еремеев.

— Уверена,— ответила Вера Петровна.

— Вот и прекрасно. И хватит меня перевоспитывать.

— Будем выходить на дорогу и ждать автобуса или пойдем пешком? — Вера Петровна прекращала разговор.

— Подождем,— назло Вере Петровне сказал Еремеев, который наверняка знал, что Вера Петровна ждать не будет, да и сам не любил ждать.

— А по-моему, быстрее дойти. Я пошла. Догоняйте! — крикнула Вера Петровна и зашагала, широко размахивая длинными загорелыми руками. Ее красный сарафан развевался на ветру, как флаг.

Еремеев усмехнулся и двинулся следом. Так они и шли — она впереди, он сзади.

До города было недалеко, и дорога вела лугами. Вера Петровна стала напевать песенку.

— Вот черт! — воскликнула она.— Ни у одной песни слов не знаю. Почему это? А вы знаете? Подпевайте.

Еремеев подпевать не стал, но подсказал Вере Петровне следующий куплет. Он шел, поглядывая на часы, и думал: «Ну помолчи ты хоть минуту, крикунья».

Город с холмов был хорошо виден, светлый, сверкающий, еще в строительных лесах, но уже зеленый. Улицы полукругами вились вокруг центра, который еще не был отстроен. Только Дворец техники стоял в центре на площади. Площадь же была только наполовину площадью, наполовину она еще была пустырем, сочные лопухи росли на этой половине.

— Белый наш город,— сказала Вера Петровна,— но, по-моему, город надо было строить в другом месте. Знаете, где?

— Где? — нехотя отозвался Еремеев.

— Вон там,— Вера Петровна протянула руку,— за тем холмом, рядом с деревней Пашки.

— Да, да,— небрежно сказал Еремеев, но посмотрел, куда показывала Вера Петровна.

Вера Петровна не обратила внимания на его тон.

— Там тихое место, безветренное и высокое, здоровое, прямо курорт. Вид прекрасный открывается. А внизу насадили бы парк. Какой бы там город был!

— Вообще-то верно,— согласился Еремеев.

— Это понимать надо! Мы с вами все-таки строители, хоть и электрики.

— Электрики — это электрики,— упрямо сказал Еремеев.

Вера Петровна посмотрела на него, и ей не захотелось спорить.

Они шли мимо нефтяных вышек. Неподалеку горел факел, плохо различимый на солнечном свету. Но глаза Веры Петровны видели все.

— Эх,— сказала она,— эх, эх! Богатые мы и бесхозяйственные. Горит у нас драгоценный газ, а мы смотрим.

— А чего? Красиво горит. Мне, например, нравится,— с вызовом ответил Еремеев.

— Как вы можете так говорить! — крикнула Вера Петровна.— Комсомолец!

— Лучше так говорить, как я говорю, чем так охать без конца, как вы,— огрызнулся Еремеев.— Факел!

И они посмотрели друг на друга с нескрываемой злобой.

Город не имел окраин, начинался сразу. Окунаясь в траву и цветы, стоял четырехэтажный дом. Внизу был магазин, витрины еще были пустыми, со стекол не до конца оттерта краска, но магазин торговал.

— Зайдем посмотрим,— предложила Вера Петровна,— может быть, что-нибудь хорошенькое дают. С этим домиком мы помучились. Наше детище. Посмотрим на свою работу, полюбуемся.

В магазине была очередь за сосисками. Вера Петровна сразу сунулась к прилавку посмотреть. Любопытная и нескладная, она даже кого-то задела локтем, пробираясь вперед.

В очереди заропотали:

— Куда? Куда лезет? Она не стояла!

Тучная женщина с черной кошелкой из самого конца очереди вышла к прилавку.

— Не отпускайте ей, товарищ продавец, пускай постоит.

Продавщица узнала Веру Петровну.

— Не кричите,— сказала она, обращаясь к очереди,— это наши строители. Вы им за дом лучше спасибо скажите, а не кричите. Сколько вам свешать?

— Мне не надо, честное слово,— смущенно говорила Вера Петровна.— Я только посмотреть хотела.

— Берите, берите, хорошие сосиски,— уговаривала продавщица.— Сколько свешать?

Женщины в очереди смолкли и теперь улыбались: многие знали Веру Петровну.

— Берите,— басом сказала толстуха с черной кошелкой и ушла в свой конец очереди.— Чего там!

Из магазина Вера Петровна вышла красная и дальше по улицам шла молча. Еремееву даже стало жалко ее, но он насмешливо улыбался и тоже молчал. Это означало: «Не суйся ты всегда, не лезь, не ори, тогда не будет стыдно».

Кончились четырехэтажные дома, потянулись небольшие стандартные деревянные, снаружи оштукатуренные домики. В здешних краях зимы были суровые. Домики стояли в садах, в каждом саду в это время работали, здесь любили сады-огороды.

Навстречу двигалась группа парней в соломенных шляпах, один шел с гитарой наперевес, у остальных оттопыривались карманы.

Вера Петровна остановилась, парни ее окружили.

— Вы куда это, хлопцы? — громко спросила Вера Петровна.— Гулять собрались?

— А почему не погулять? — сказал тот, который был с гитарой.— Идемте с нами, Вера Петровна, с монтерами.

— Спасибо, хлопцы, не могу,— красуясь, отвечала им Вера Петровна; видно, ей было приятно, что монтеры зовут ее.— Я бы пошла, хлопцы, но работы много.

— Глубоко сожалеем,— вежливо сказал парень с гитарой.

Уговаривать ее он не стал, приподнял соломенную шляпу, и группа расступилась.

— Хорошие у меня ребята,— растрогалась Вера Петровна.— Когда кончаем объект, я всегда им говорю: «Хлопцы, вам спасибо». Да, пока что мы командуем миром, а не атомники. Хотя, конечно, мы с вами грубые электрики, наше хозяйство — сильные токи. А сердце электричества — релейная защита. Нам бы обязательно надо пригласить профессора, чтобы он прочитал курс во Дворце техники. А то я хромаю на обе ноги в релейной защите, честное слово. Нужен курс. Верно?

— Не мешало бы,— согласился Еремеев.

Вера Петровна резко остановилась.

— Что случилось? — почти испуганно спросил Еремеев.

— Молодежный парк! Полюбуйтесь! — загремела Вера Петровна.

Прохожие оборачивались на ее голос.

Еремеев покорно остановился и покорно посмотрел в сторону парка.

Парк был действительно плох. Собственно-то, и парка не было — овражек с чахлыми деревцами, ссохшимися, пожелтевшими.

— Когда закладывали, говорили, что надо оставить овражек как есть, что так будет красивее, вольнее. А на самом деле лень было разровнять землю, спланировать. Вон дороженьки все затоптанные, елки погибли неухоженные. Овраг был, овраг и остался. Стыд для нашего города-красавца, ходим мимо, и смотреть стыдно, и говорить обидно.

— Да бросьте вы, Вера Петровна, вырастет парк, ничего особенного. Чего уж так переживать! Есть вещи поважнее, — сказал Еремеев.

Чувство антипатии к Еремееву было таким сильным, что Вера Петровна не стала возражать.

Однажды какая-то девушка назвала Еремеева красивым, Вера Петровна удивилась. Лицо у Еремеева было как будто сонное, с широко расставленными глазами. Лоб, правда, был большой и открытый, но Вере Петровне всегда казалось, что мысли Еремеева далеко-далеко, если у него вообще есть мысли. Лоб-то есть, а мыслей может и не быть.

Глаза Еремеева, когда он смотрел на Веру Петровну, были слегка прищурены, хмурые, неприязненные глаза. Разве могут быть такие глаза у молодого парня? У него глаза должны быть горячие, веселые, ясные. И голос должен быть слышный, безудержный, а не глухой, как будто таящий что-то против всех.

Собственно, ничего определенно плохого Вера Петровна не могла сказать о Еремееве. Она удивлялась ему, такому спокойному, молчаливому. Он казался ей неважным работником, формальным человеком. Вера Петровна таких ненавидела. «Равнодушие — враг прогресса»,— любила говорить она и в жизни и на собраниях, а на собраниях она выступала всегда.

Конечно, Еремеев еще молодой, неопытный, но ведь другие тоже молодые. Он уже год здесь, а как будто делает одолжение, что работает со всеми вместе. После работы спешит домой, а ведь семьи у него нет.

Вера Петровна сегодня нарочно заставляла Еремеева ходить с нею, нарочно пошла даже на те стройки, где недавно была. Пускай, пускай! Откуда берутся такие сдержанные, вы-утюженные, с дипломами инженеров и как с ними бороться, как из них делать людей, Вера Петровна не знала. Она делала, что могла.

«Хватит меня перевоспитывать». Лучше всего, наверно, было оставить Еремеева в покое, но этого не позволял ее характер.

— Знаете что,— решительно заговорил Еремеев, — хватит. С утра мотаемся, довольно. Завтра хоть все сначала. А сегодня я устал. И у меня еще есть другие дела. Достаточно важные. До свиданья.

Вера Петровна растерянно посмотрела на Еремеева. Вдруг его глаза показались ей запавшими и блестящими от усталости, на его щеках она увидела пятна.

«Какая чепуха!» — сказала она себе.

— Вы устали? Вы же молодой. Ну идите, идите. Какие у вас там еще дела? Живете несемейно. Кто вас разберет!

Еремеев повернулся и пошел; притихшая Вера Петровна осталась одна. В руках у нее был кулек с сосисками.

Мимо прошел мальчик в очках, в тапочках, нес ведро картошки.

— Пойду-ка и я домой,— сказала тихонько Вера Петровна,— отварю картошки, отварю сосисок. А вечером пойду в кино.

— Скоро озеленение вырастет, тогда будет хорошо,— услышала Вера Петровна мужской голос.

Женский голос нежно произнес:

— Не скоро.

— Всегда споришь, поперечный ты человек,— произнес мужской голос.

Вера Петровна улыбнулась.

Только успела она открыть дверь своей квартиры, сразу зазвонил телефон. Она взяла трубку, немного послушала, потом вздохнула и закричала:

— Я на вас за это в суд подам! К прокурору! Вы про эти провода забудьте! Немедленно пойдете под суд! Кто кричит? Я кричу? Я вам вежливо говорю: под суд! Еремеев сказал? А какое он имеет право? Он не материально ответственное лицо. Запрещаю! Да.

Она повесила трубку и, пыхтя, подошла к зеркалу. Зеркало отразило ее растрепанные волосы, запылившуюся шею и злополучный сарафан, который она шила сама и не успела дошить.

— Ладно,— сказала Вера Петровна,— пускай я чучело. Плевать на все. Ужинаю и иду в кино.

В кино билетов уже не было. Выручила знакомая девушка, техник Галия. Галия была румяная, с косами, поставленными короной, с темными глазами, опушенными ресницами такой длины и красоты, что Вера Петровна не удержалась и попросила Галию закрыть глаза.

Галия рассмеялась и с готовностью зажмурилась. Темные таинственные тени легли на смуглое, румяное, детски-гладкое лицо.

В руках у Галии были цветы. Она показала их Вере Петровне.

— Цветок сам желтый, а внутри припекает розовым. Красиво, правда?

Вера Петровна посмотрела.

— А как у тебя дела?— спросила Вера Петровна.

Галия заочно училась в нефтяном институте.

— Ничего,— ответила Галия.

Вера Петровна сразу поняла, что Галия говорит не об институте.

— Уж не замуж ли собралась?

Галия промолчала.

— Кто же он? Хороший?

— Очень.

— Чем же?

— Всем.

— Красивый? Умный?

— Очень,— сказала Галия.

— Кто он? Скажешь мне?

— Саша Еремеев,— шепнула Галия и подняла к Вере Петровне розовое лицо.

Корона волос, скрепленная черными шпильками, как гвоздями, опустилась книзу. В вырезе платья виднелась загорелая шея.

— Еремеев? — удивилась Вера Петровна.— Не может быть.

— Он,— шепотом подтвердила Галия.— Почему не может быть? Разве я такая плохая?

— Ты! Ты, но он...— вырвалось у Веры Петровны.

— Вы его знаете,— со счастливой улыбкой проговорила Галия, — вы же его знаете, — повторила она, поощряя Веру Петровну к рассказам.

— Еремеев? Еремеев? — удивлялась Вера Петровна. — «Этот Еремеев, этот Еремеев!», — думала она.

— Ну конечно! Вам он нравится?

— Мне? — Вера Петровна медлила, не зная, что говорить. Она умела говорить только правду и совершенно не умела врать и хитрить.— Мне? Почему? Парень он... Слушай, а ты выходишь за него замуж?

Галия кивнула.

— Мне он нравится,— промямлила Вера Петровна.

— Я так и знала! — Галия засмеялась.

— А что? А что такого? Еремеев — хороший парень.

— Сашка — сама душа. Вы ж его знаете.

— Знаю,— сказала Вера Петровна.

И в это время в зале погасили свет. Галия сжала руку Веры Петровны.

«Такая прекрасная дивчина — и этот Еремеев. Этот Еремеев»,—думала Вера Петровна. И она вспомнила горячие глаза Галии и сощуренные глаза Еремеева. И никак не могла вспомнить, какого же цвета у него глаза. «Не то серые, не то черные, в общем, противные».

Сеанс кончился. Галия крепко взяла Веру

Петровну под руку, и они пошли по парку,— кинотеатр находился в парке.

— Саша не пошел со мной, не мог сегодня. Он очень много работает. Скажу вам по секрету: они с двумя товарищами уже полгода над одним проектом сидят. У них железное правило: два вечера в неделю никуда не ходить. Даже в кино. Я убежала, чтобы их не смущать. Пускай работают. Они молодцы!

Вера Петровна задумчиво слушала.

— Может быть, меня встретить придет, цветы купил,— продолжала Галия.— Сашка — сама душа. Ему до всего есть дело. Да вы сами знаете. Вот посмотрите на эти факела. — В темноте на холмах факелы были видны отчетливо, они горели, как тоненькие, трепетные свечечки с неровным пламенем. Их было пять или шесть, таких светильников, вдалеке.— Красиво! Но Саша мой возмущается. «Мы,— говорит,— идолопоклонники. Это безобразие надо немедленно гасить». Полгода они уже разрабатывают свой проект, скоро доклад будут делать.— Вера Петровна слушала и вертела веточку в руках.— Я вам объясню. Все просто. В законтурном заводнении колоссальный расход электроэнергии. А рядом есть дешевая энергия — газ. Он сжигается на факелах.— В нефтяном краю каждый немного нефтяник и разбирается в нефтяных делах. А Галия и по профессии была нефтяник.— В общем, надо сделать газовую турбину, соединить с насосом — и качай.

«Что я слышу! — Вера Петровна была озадачена.— Вот почему он так рассердился, когда я про факела заговорила! Ай-яй-яй, как глупо, как неловко получилось! Дура я. Но кто же знал...»

— Да, Еремеев молодец! Работать умеет, этого у него не отнимешь,— веско сказала Вера Петровна.

— Работоспособность,— заметила Галия. Вера Петровна покрутила веточку. — А какой он веселый, да? Вы знаете? С ним всегда весело. Или это, может быть, только мне?

— Очень веселый,— пробормотала Вера Петровна.— Мне с ним тоже очень весело. Веселый так веселый.

Вера Петровна поняла, что настоящего Еремеева видит влюбленная Галия, а не она, и принялась хвалить Еремеева со всей страстью своего благородного, горячего сердца. Галия только улыбалась.

Потом Галия сказала:

— Вы его в глаза так не хвалите, Вера Петровна, а то он испортится. Нельзя. Пускай будет скромный. Он не знает, какой он, и пускай не знает.

Они вышли из парка и увидели Еремеева. Галия побежала ему навстречу, а Вера Петровна решительно повернула в другую сторону и быстро пошла не по тротуару, а прямо по дороге.

— Кто это был? — спросил Еремеев Галию.

— Вера Петровна.

— Да ну ее! — буркнул он.

— Ой! — воскликнула Галия.— Как тебе не стыдно! Ты совести-то имеешь хоть грамм? Она к тебе так относится, как к родному. Хвалила тебя, слушать было неудобно. Хорошая она женщина!

— Да брось ты, у тебя все хорошие. Давай лучше спрячемся в ворота, и я тебя поцелую.

— Вера Петровна хорошая.

— Слушай, оставь ее в покое. Я на работе от нее не знаю, куда деваться, теперь еще в личной жизни. Она может перепилить человека на восемь частей. А как она орет целый день, ты не слышала? Ты с ней в кино сидела, а я с ней работаю. Она крикунья. Если бы ты была крикунья, я бы на тебе никогда не женился. Но если тебе так хочется, я готов согласиться, что она неплохой человек.

— Хорошие люди всегда немного невыносимы! — со спокойной мудростью сказала Галия.

— Слушай,— сказал Еремеев,— я пожертвовал тобой ради проекта, но ради этой Веры Петровны...

— Эта Вера Петровна хорошая,— упрямо сказала Галия, проявляя характер, который был скрыт за ее нежным лицом и тихим голосом.

Тогда Еремеев сделал то единственное, что он мог сделать.

Он поцеловал Галию на улице, не заходя в ворота, и сказал:

— И не забывай, я люблю тебя.

Иловская колхозная больница.

М. АНДРИАСОВ

Фото Ф. Короткевича.

БОЛЬШОЕ ОБНОВЛ

Первое, что мы увидели, въехав на окраинную улицу села Вознесеновка, было двухэтажное красное здание из кирпича.

— Это колхозная электростанция. На доходы артели построена,— объяснили нам.

В селе Вознесеновка, Шебекинского района, Белгородской области, живут колхозники сельскохозяйственной артели имени Андреева. Они решили своими силами и на колхозные доходы строить культурно-бытовые учреждения. Сельские труженики рассуждали просто и убедительно: к огромным государственным ассигнованиям на культурное строительство в деревне надо добавить труд и средства колхозов и колхозников. Жизнь улучшается с каждым днем. Кому же благоустраивать родное село, как не нам? Село наше, нам в нем жить и работать, нам и заботиться о нем.

В Вознесеновке в правлении колхоза мы познакомились с агрономом Петром Ивановичем Громадиным. Он провел нас в новую школу-семилетку. Просторные, светлые классы, комнаты для учителей были сделаны добротно, умелыми, хозяйскими руками. Петр

Дом культуры колхоза имени Буденного.

Иванович рассказывал нам, какой это был праздник, когда здесь открылась школа.

— До той поры наше село имело только начальную школу, — говорил Громадин. — Четыре класса ютились в двух комнатках небольшого дома. Трудно было. Ребята учились в

ЕНИЕ

две смены. А кто четвертый класс окончит, в пятый уже должен был ходить за четыре километра в заводскую школу в поселке Буденновка. Новая семилетка всех обрадовала: и ребятишек и родителей.

Петр Иванович помнит еще старую, дореволюционную Вознесеновку. Над жалкими крестьянскими хатенками возвышался тяжелый белокаменный дом помещика Иоганна Крафта. Недалеко от поместья верным его стражем стояла покосившаяся церковь, а чуть поодаль, в ладном сосновом срубе, была лавка и «питейное заведение» купца Самошкина. Вот и все «культурно-просветительные» учреждения дореволюционной Вознесеновки...

Теперь в селе новые улицы, хорошие, светлые дома, многие из которых построены общими силами колхозников с помощью правления артели.

На краю села стоит двухэтажное здание колхозной электростанции; провода от нее тянутся в дома не только Вознесеновки, но и ближайшего села Нежеголь. Своими силами построены хороший клуб, кирпичный завод, полевой стан, детские ясли на сто ребятишек, отрыты новые и отремонтированы старые колодцы. Колхоз радиофицирован. Организовано производство извести. Теперь здесь уже подумывают и о строительстве колхозного дома отдыха.

Нелегко порой бывает медикам убедить местные власти, что надо выкроить средства и на медпункт и на строительство родильного дома. Говорят:

— Есть объекты поважнее. А бабы подождут с роддомом.

— Да как же вам не стыдно! — наскакивает на председателя молодая акушерка Анна Демченко. — Кругом такое обновление идет, а вы: «Бабы подождут»...

Пять лет назад приехала в колхоз имени Ленина акушерка Анна Демченко. Невесело было вначале. Медицинский пункт оборудован плохо. Пересмотрела инструменты — самых необходимых нет. Анна Сергеевна горячо взялась за дело. Быстро порядок навела. А потом стала добиваться постройки в колхозе своего родильного дома. Тут и пошли споры. Райздравотдел поддерживает, о колхозниках и говорить нечего. А вот председатель артели Емельянов, тот сперва упирался:

— Нет у нас сейчас средств. Вот побогаче станем, тогда и родильный дом построим.

— А пока что же, прикажете колхозницам детей не рожать? — атаковала Демченко. — Ставьте вопрос на общем собрании. Пусть сход решает.

Прения были бурные. Председатель не отрицал: колхозу нужен родильный дом. Но в первую очередь надо строить конюшню.

Не согласились тогда с председателем колхозники.

— Будем строить родильный дом!

Поддержали их и сельсовет и райком партии.

...Среди самых молодых граждан села много есть уже таких, что появились на свет белый в новом колхозном родильном доме.

...А вот еще одно белгородское село — Иловка. История его насчитывает много веков. Из поколения в поколение идет предание о том, как в дремучем лесу, по соседству с глубоким илистым болотом, родилось село. Потому и окрестили его Иловкой.

Следуя примеру соседей, иловцы, объединенные артелью имени Чапаева, своими силами на колхозные деньги стали строить в селе культурно-бытовые учреждения. Так появились здесь красивый двухэтажный клуб, больница, родильный дом, два детских сада, баня, парк, спортивный городок...

Спросите: «А где иловцы стройматериалы взяли?» Сами себя обеспечили строительными материалами. Из Архангельской области привезли лес, обменяв его на знаменитые белгородские яблоки. Вокруг растет камыш. Иловцы наладили производство камышитовых плит. Потом и небольшой кирпичный завод построили. Приобрели агрегат для изготовления кирпича. Теперь колхозный этот завод выпускает в год почти полмиллиона штук кирпича.

На землях, окружающих село, много мела. Колхозники стали выжигать из него известь, изготавливать шлакоблоки. Четырнадцать тысяч таких шлакоблоков смастерили в прошлом году. А недавно организовали еще одно производство — цементные трубы для шахтных колодцев. Вот как далеко шагнули здешние умельцы!

Строителями нового села стали сами колхозники. Есть среди них плотники, столяры, кровельщики, каменщики, жестянщики и даже живописцы, скульпторы и архитекторы. Они сами благоустраивают свои села, строят новые жилые дома, новые школы, клубы, больницы, детские сады, преображая родной край.

Школа-семилетка, построенная в минувшем году колхозом имени Андреева.

Живописец и скульптор колхоза «Путь социализма» Л. Н. Барбарин делает барельефы для нового колхозного клуба.

КИРГИЗИЯ СОВЕТСКАЯ, РАВНОПРАВНАЯ

И. Р. РАЗЗАКОВ,
секретарь ЦК Коммунистической партии Киргизии

Вопрос. Каковы главные достижения Киргизии к 40-му году Великой Октябрьской социалистической революции?

Ответ. Главным достижением следует считать создание суверенного государства — Киргизской Советской Социалистической Республики.

При братской поддержке великого русского народа киргизы миновали мучительнейшую, капиталистическую, стадию развития и в невиданно короткий исторический срок прошли путь от патриархального общества до общества социалистического. Таким образом, только после революции создалась киргизская социалистическая нация.

На территории нашей республики, где 40 лет назад по сыпучим горным тропам шли кочевники в поисках пастбищ, воды и солнца, сейчас широко раскинулись угодья колхозов, дымят трубы заводов и по широким асфальтовым дорогам нескончаемым потоком движутся машины к снежным пикам Памира, в цветущие долины Узбекистана, на целинные земли Казахстана, в братскую Китайскую Народную Республику.

Говорят, цифры — вещь скучная. Не знаю, кому как, а нам, киргизам, некоторые цифры дороги так же, как песня отцов и радость детей.

Действительно, валовая продукция всей промышленности республики превысила уровень 1913 года в 42 раза.

Сейчас республика производит угля и нефти на душу населения больше, чем Италия и Япония, а сахарного песка больше, чем Франция, ФРГ, Италия. До революции киргизы не знали, что такое электричество. После Великого Октября народ Киргизии на собственном опыте убедился в том, что «коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». За последние 30 лет производство электроэнергии в республике возросло в 770 раз!

Таким образом, рожденный мудрой ленинской национальной политикой, рабочий класс Киргизии при братской помощи всех советских республик, под руководством Коммунистической партии превратил Киргизстан в государство высокоразвитой индустрии.

Земледелие в Киргизии базируется на орошении. Без воды нет хлеба, нет корма для скота, нет сахара, нет хлопка. Только после Великого Октября развернулись ирригационные работы. И сейчас в республике столько каналов, что если их растянуть, то протяженность окажется равной пути из Москвы до Владивостока и обратно.

Теперь все 58 совхозов и 670 колхозов имеют воду в достаточном количестве. А если учесть, что на полях Киргизии работает 12 300 тракторов и более 2 200 комбайнов, то станет ясно, почему сельское хозяйство республики производит хлеба, хлопка, сахарной свеклы, мяса, молока и шерсти столько, сколько и не могло присниться кочевникам-киргизам 40 лет назад.

В республике выращено поголовье овец в 3 раза большее, чем в ФРГ, и в 6 раз большее, чем в Японии. А по урожайности сахарной свеклы, например, мы обогнали Францию, Италию, Англию, Данию и сравнялись с США.

В наших успехах велика заслуга ученых, деятелей передовой науки. В республике, до революции не имевшей даже своей письменности, созданы Академия наук, университет, десятки научно-исследовательских учреждений, где готовятся кадры национальной интеллигенции. Киргизстан становится страной высокоразвитой науки и культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Вопрос. Каковы перспективы дальнейшего развития республики?

Ответ. Перспективы эти поистине величественны. Приведу только два примера.

Наши колхозники и ученые подсчитали, что к 1961 году республика перегонит США по производству мяса и молока, так как уже в 1960 году в Киргизии будет производиться до 95 кг мяса и до 413 кг молока на душу населения.

Наши инженеры и ученые подсчитали, что главная река Киргизии Нарын по потенциальным запасам энергии может быть приравнена к Волге. Проблема Большого Нарына для республик Средней Азии подобна проблеме Большой Волги для Европейской части СССР.

На основании предварительных данных можно полагать, что на этой могучей реке будет построено около 20 гидроэлектростанций общей мощностью более 4 млн. квт. Первую станцию на низовьях Нарына — Уч-Курганскую ГЭС, общей мощностью в 160 тыс. квт — мы уже начали строить. К 1960 году станция вступит в строй.

Учитывая богатейшие залежи в недрах Киргизии свинца, сурьмы, угля и других полезных ископаемых, можно предвидеть дальнейшее широкое промышленное строительство на базе Большого Нарына.

Мы намеренно привели здесь только два примера. Поезжайте по республике, посмотрите сами. И вы увидите много нового и интересного в нашей выращенной Великим Октябрем стране, в жизни и быту, в облике киргизского народа, уверенно идущего в единой братской семье советских народов к торжеству коммунизма.

Жилые кварталы города Фрунзе утопают в зелени.
Фото И. Тункеля.

У ВЫСОТ ТЯНЬ-ШАНЯ

Ю. СЕМЕНОВ

Озеро в горах

И вот мы поехали. Окутанная дрожащей дымкой синеватого зноя, изрезанная каналами и арыками, зеленая, черепичнокрышая, лежала по обеим сторонам шоссе плодородная Чуйская долина. Боомское ущелье, сдавив асфальт дороги, вывело нас к городу и порту Рыбачье. Потом шоссе повернуло налево, пошло по дну будущего Орто-Токойского моря, сейчас сплошь заставленного экскаваторами, тракторами, машинами, снова спряталось в горы и повело нас к советско-китайской границе.

Новостройки, новостройки! Словно вся земля киргизская обновляется и старое уступает место новому.

На озере Сон-Куль, что находится в самом сердце Тянь-Шаня и лежит на высоте более трех километров, старое и новое можно увидеть совсем рядом.

Новое — это дорога. Она ведет в небо. Озеро Сон-Куль кажется одним из тех облаков, что плывут совсем низко над землей, цепляясь за громады скал. Вокруг озера — сколько может охватить взор — луга. А на лугах — крохотные комочки. Если подъехать к ним поближе, то увидишь, что это отары. В каждой отаре больше полутысячи овец. А всего на высокогорном урочище Сон-Куль выпасается несколько сот тысяч овец.

Киргизы — народ удивительно гостеприимный. Не пробуйте отказаться от чашки кумыса. Старый чабан Бейше Атабаев воспримет это как кровную обиду. Когда выпьете кумыс, сядьте рядом с Бейше и поговорите с ним... Он посмотрит на вас острыми, веселыми глазами и спросит, стараясь придать лицу и голосу абсолютно безразличное выражение:

— Ну, как тебе понравилась дорога? Ты обратил внимание, как она ровна и спокойна на поворотах?

Получив утвердительный ответ, он кивнет головой и улыбнется.

— А как тебе нравятся наши овцы? — поинтересуется Бейше.— Ты видел киргизских тонкорунных овец, тех, которых вывел Лущихин?

...Раньше в Киргизии растили курдючных грубошерстных овец. Мясо у них было отдельно, сало — отдельно. Консервы из такого мяса делать нельзя. Да и хозяйки в магазине спрашивают, как правило, не сало, а мраморное, «античное», так сказать, мясо с прожилками жира. Задача члена-корреспондента Академии наук Киргизской ССР и Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук М. Н. Лущихина заключалась в том, чтобы вырастить мясную овцу, а не сальную. Старая киргизская овца давала грубой шерсти на полтора метра кошмы. Задача Лущихина заключалась в том, чтобы вывести шерстяную овцу, тонкорунную. Семнадцать лет экспериментировал Лущихин вместе со своими помощниками Героем Социалистического Труда чабаном Т. Досбергеновым, зоотехниками В. В. Ивановым и М. И. Виноградовой, чабанами Д. Нурматовым и К. Сарджановым. Экспериментировал — и добился своего. Вывел новую породу овец, «киргизскую тонкорунную». Одна такая овца дает шерсти на четыре мужских костюма. А кроме того, прекрасное «мраморное» мясо.

Сон-Куль — одно из богатейших пастбищ Киргизии. Здесь «готовят шерсть» для большого камвольного комбината, который будет строиться во Фрунзе.

— Где же, как не на Сон-Куле, готовить шерсть для красивых костюмов,— улыбается Бейше Атабаев.

Сон-Куль интересен не только овцеводством. Здесь построят крупную «пиковую» ГЭС Нарынской энергосистемы. Помните, как высоко падение воды на Днепрогэсе? На Сон-Кульской ГЭС падение воды будет в шестнадцать раз больше. Вода будет падать один километр, а не шестьдесят метров, как на Днепрогэсе. Рядом пройдет электрифицированная железная дорога. По соседству есть уголь и железо. В недалеком будущем эти места станут крупнейшим индустриальным районом.

На Сон-Куле я познакомился с доктором Ш. Ибраевым. Он пришел сюда три года назад, сразу же после окончания института. Доктор не только лечил, принимал новорожденных. Исподволь он собирал материалы для научной работы «Кровяное давление в условиях высокогорного урочища Сон-Куль». Сейчас доктор Ибраев рекомендован в аспирантуру фрунзенского медицинского института и будет продолжать там свои исследования.

Двадцать лет назад озеро Сон-Куль было мертвым озером. Сейчас тут есть поселок с больницей, читальней, кино. Через несколько лет, когда здесь пройдет железная дорога, когда начнет действовать гидроэлектростанция, многие тысячи людей — врачи, рабочие, актеры, учителя,— перед тем, как отправиться сюда на работу, возьмут с собой книгу Ибраева и прочтут в ней о том, как влияет Сон-Куль на здоровье и характер. Влияет хорошо!

Герой Социалистического Труда Керимбюбю Шопокова.

Дары земли

Киргизия поражает сюрпризами. Едешь высоко в горах. Кажется, кругом — ни души. Только цикады надрываются, вспарывая своим криком тишину. И вдруг за поворотом горной дороги возникает, словно чудесный мираж, город. Широкие, прекрасно спланированные улицы, увитые плющом коттеджи, магазины с неоновой рекламой, Дворец культуры. Это поселок боординских рудокопов, добывающих свинец. В самом конце поселка, прицепившись к склону горы, стоит девятиэтажная обогатительная фабрика. Сюда сверху, с огромной высоты, протянута канатная дорога. Одна за другой на фабрику ползут вагонетки с породой. Боординский рудник интересен тем, что добыча ведется не шахтным способом, а прямо на поверхности. Земля щедра — только умей брать ее богатства. Мощная жила прорезает сверху донизу трехкилометровую гору. Когда экскаваторы заканчивают выбирать породу, площадка пустеет, люди уходят в укрытия, раздаются гулкие взрывы. Вновь появляется жила, и вновь набрасываются на нее экскаваторы. Опять на фабрику беспрерывным конвейером идут вагонетки с рудой.

В Боорду добывают только свинец.

Но не только свинец добывают в Киргизии. Нефть, уголь, ртуть — уже открытые богатства республики. И сейчас во многих местах вы сможете увидеть палатки геологов.

Геологи Киргизии продолжают поиски новых богатств в подземных кладовых республики.

В районном центре Кочкорка прямо посредине селения стоят два самолета и вертолет. Сельскохозяйственная авиация? Санитарная? Нет. Это самолеты киргизской аэрогеофизической партии. На борту установлены специальные приборы, улавливающие в земле металл. Недавно геологи открыли Нарынское месторождение железных руд. Месторождение богатое: более миллиарда тонн.

Руки Керимбюбю

В ту ночь бригадир Керимбюбю Шопокова заснула быстро. Ей приснился страшный сон: будто она падает в пропасть все ниже, ниже, а холод все сильней и сильней. Керимбюбю хотела кричать, но не могла, хотела пошевелить руками — руки не слушались. Она застонала и открыла глаза. В открытое окно дул холодный ветер. Была весна, уже давно пробилась к жизни трава, и вдруг на полях — снег. Керимбюбю наскоро оделась и выбежала на улицу. Задыхаясь, она кричала:

— Вставайте скорей, вставайте! Беда!

Из всех соседних домов выбегали люди. Во многих местах померзла свекла. То, что происходило потом на полях колхоза имени Шопокова, фронтовики сравнивали с ожесточенным боем.

Было решено: придется во многих местах заново подсаживать свеклу. А что такое подсадка? Один гектар — семьдесят шесть тысяч штук свеклы. Несколько дней подряд Шопокова уходила из дому в четыре часа утра и возвращалась в одиннадцать вечера. Колхозники падали от усталости, снова поднимались и продолжали работу.

Мы — в колхозе имени Шопокова.

— Атыр, суну караб тур! — весело кричит женщина своей помощнице.— Посмотри за водой, Атыр!

Потом женщина подходит к нам, протягивает маленькую, сильную ладонь и говорит:

— Вы ищете Керимбюбю Шопокову? Это я.

Именем ее мужа, Героя Советского Союза Дуйшенкула Шопокова, одного из двадцати восьми богатырей-панфиловцев, защищавших Москву, назван колхоз, где работает Керимбюбю Шопокова, Герой Социалистического Труда, рекордсмен мировых урожаев свеклы.

— В этом году я была в гостях у солдат и офицеров панфиловской дивизии,— говорит Керимбюбю,— на севере. Там холодный климат, не то что у нас. Но мне было тепло от того, как меня там встречали.

Скромная киргизская женщина Керимбюбю... В последнем своем письме с фронта Дуйшенкул Шопоков писал, что он верит в нее, верит, что своим трудом она поможет ему разбить фашистов. Он не ошибся. Своим трудом Керимбюбю помогла ему победить фашистов. Сейчас она вносит скромный вклад в то великое дело, во имя которого погиб ее муж.

Маленькая история большой семьи

Две девочки, удивительно друг на друга похожие, тихо, стараясь не шуметь, сидели на кроватях и одевались. Потом они тихо уложили свои вещи и на цыпочках вышли из комнаты. Прижимаясь к стенам, с которых смотрели на них великие композиторы, спустились вниз, к выходу.

Замира, Дамира и Рейна Чокоевы.

Через полчаса в отделении милиции стало известно, что из Ленинградского хореографического училища сбежали две ученицы: Замира и Рейна Чокоевы. Девочек поймали. В училище пришел строгий милиционер и для устрашения поговорил с ними. Правда, когда разговор кончился, милиционер улыбнулся и протянул им леденцы.

Я вспомнил эту историю во Фрунзе, в театре оперы и балета. В зале много солнца. Лучи его, веселые и неугасимо яркие, одинаково щедро освещают лица Замиры и Рейны и делают их еще более похожими друг на друга. Раз, два, три. Раз, два, три... Сестры Чокоевы, примадонны киргизского балета, готовят новые партии в балете «Чолпон». Это те самые девочки, которые бежали из Ленинградского хореографического училища! Их потянуло тогда с севера на юг, домой, в Киргизию.

В другом конце Фрунзе, в цехах молочной фабрики, тоже много солнца. Там работает Дамира Чокоева, инженер.

В спортивном зале упражняется четвертая сестра Чокоевых — перворазрядница, школьница Гульнара. Когда приедет из пионерского лагеря маленький скрипач Женижбек и начнет в институте занятия старший брат Ленар, тогда вся семья Чокоевых окажется в сборе. Лицо матери Шаймбюбю засветится радостью. Она сделает вкусный яблочный пирог и осторожно разрежет его на шесть частей.

— Скрипачу, гимнастке, студенту и инженеру по большому куску. Балеринам — по маленькому кусочку: им ведь нельзя полнеть, — улыбнется мать, шутливо называя своих детей по профессии.

Когда умер муж, Шаймбюбю осталась с шестерыми детьми. Сорок лет назад это означало бы гибель всей семьи. Но дети Чокоева не остались без отца. Его заменила им добрая Родина.

«Интергельпо»

Новая улица на окраине Фрунзе. Улица имени Интергельпо. Что за непонятное слово?

Чтобы рассказать его историю, мы познакомим читателей с рабочим одного из заводов Владиславом Рихтариком.

— Чест праце, — говорит Рихтарик. — Здравствуйте!

Он поздоровался с нами так, как здороваются в Чехословакии, потому что по национальности товарищ Рихтарик словак. В двадцатые годы вместе с группой чехословацких рабочих он решил покинуть свою страну, где тогда было много безработных, и отправиться в СССР: там люди строили новую, счастливую жизнь без капиталистов и помещиков. Первым отправился в путь посланец рабочих товарищ Самуэль. Его принял М. И. Калинин и в дружеской беседе посоветовал обосноваться где-нибудь в Средней Азии. Самуэль поехал в Киргизию. И вот спустя несколько месяцев на железнодорожную станцию Пишпек пришел поезд с чехословаками. Здесь, на окраине Фрунзе, была основана коммуна «Интергельпо». Это слово переводится на русский язык как «взаимная помощь».

— Нам нужна ваша помощь, друзья, — сказали чехословацким рабочим киргизы.— Наша страна — страна будущего. Но пока что мы имеем только кустарные ремесла и кочевников-скотоводов. Мы рассчитываем и на вашу помощь, братья.

И вот на новой, обетованной родине рабочие Чехословакии засучив рукава взялись за дело. Рука об руку с киргизами, русскими, казахами, латышами, таджиками, немцами они построили электростанцию, суконную и мебельную фабрики. В выходные дни с веселой песней выходили на коммунистические субботники и сажали крохотные деревца, которые сейчас стали прекрасным лесопарком.

...Если свернуть с улицы Интергельпо и пройти на улицу Димитрова, то нельзя не остановиться около дома номер четыре. Здесь жил Юлиус Фучик, когда он приезжал в Киргизию. Он, правда, редко бывал в этом доме, потому что с утра и до поздней ночи находился в мастерских «Интергельпо», во Фрунзенском горсовете, членом которого он был избран, в редакциях газет «Советская Киргизия» и «Кызыл-Кыргызстан», почетным рабкором которых он являлся, у командиров и красноармейцев Киргизской национальной дивизии, почетным всадником которой он был с 1930 года...

Хозяйка дома, где жил Фучик, Ева Степановна Шволикова вспоминает, как Юлиус впервые попробовал русского борща и как, смеясь, уверял женщину, что ничего вкуснее никогда не ел. В комнате Фучик жил с двумя товарищами. До поздней ночи они не ложились спать, обсуждая все увиденное за день. Потом Фучик доставал тетрадку и садился за стол записывать впечатления.

Уезжая из Фрунзе, Фучик писал: «Мы ехали в страну, о которой буржуазные сказочники рассказывали как о дикой экзотической стране. Но мы попали в страну, темпы строительства которой значительно выше, чем в самых передовых, наицивилизованнейших странах капиталистического Запада... Своей энергией трудящиеся Киргизии заразили нас. То, что мы получили здесь, у вас, мы повезем всему пролетариату Западной Европы. Спасибо вам за все. Мы обещаем, что не устанем в своей работе до тех пор, пока великая стройка социализма не начнется у нас, в будущей советской Чехословакии...»

Как радовался бы сегодня Юлиус Фучик великим переменам, свершившимся на земле киргизской! Какой богатой и могучей стала эта республика, равная среди пятнадцати!

В КИРГИЗИИ. Первенец ирригационного строительства — Чумышская плотина на реке Чу.
Фото И. Тункеля.

В КИРГИЗИИ. Высокогорное урочище Сон-Куль.

— Вот оно, богатство моей республики! — говорит старый чабан Еше Атабаев. Уже тридцать лет он пасет совхозные отары.

Вертолет киргизской аэрогеофизической партии на поисках руды в районе Кочкорки.

На леднике Кара-Баткак работает отряд Тянь-Шаньской высокогорной физико-географической станции Академии наук Киргизской ССР.

Берлин, 8 сентября 1957 года. Митинг, посвященный Дню памяти жертв фашизма.
Фото Центральбильд.

ПОБЕДА великой идеи

Заметки немецкого писателя

Стефан ГЕЙМ

Империя Адольфа Гитлера, которой нацистские пророки сулили не менее как тысячелетнее существование, с громом и треском разлетелась на куски. Народ, которому вбивали в голову, что он призван господствовать над всем миром, выползал из развалин войны, из погребов и бомбоубежищ, протирал глаза от пыли и одновременно от этих гибельных иллюзий.

Картина, представившаяся взору немцев, была ужасающей. Не было более государства, не было хлеба, воды. И, что, пожалуй, еще существеннее, распались и обнаружили свою непригодность те общественные порядки, те отношения собственности, в которых протекала ранее жизнь немецкого народа. «Система» этих общественных отношений развалилась, как карточный домик. Германия превратилась в ничто, в большую пустоту, где вслепую метались люди, без организации, лишенные внутренней и внешней устойчивости, порой не знающие даже, где они проведут следующую ночь, что будут есть на следующий день.

И вот среди этого ландшафта разбитых городов и сердец до немецкого народа вновь донесся призыв, еще раньше выраженный в таких словах: «...Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается».

Вопрос, однако, уже тогда заключался в том, **каким** должно быть это государство и **чем** должен стать этот народ.

В Потсдаме обсуждался именно этот вопрос — вопрос исключительной важности. История требовала, чтобы из прошлого были извлечены определенные уроки. Не случайно совесть Германии была отягощена ответственностью за две мировые войны на протяжении одного поколения. Надо было устранить, ликвидировать те политические и социальные причины, которые привели Германию к этому.

Однако за столом в Потсдаме находились представители западных государств, где была тоже капиталистическая система, как и в прежней Германии; они были заинтересованы в том, чтобы сохранить и удержать эту систему у себя и в этой стране. Готовы ли они—так был поставлен перед ними вопрос — в интересах столь трудно завоеванного мира ликвидировать в Германии господство капиталистических монополий и крупных землевладельцев и передать государственную власть в руки народа?

Эти люди сказали тогда в Потсдаме: да, мы желаем создания единой, миролюбивой, демократической Германии.

Но уже через несколько лет они раскололи Германию. На западе ее, на двух третях ее территории, началась подготовка новой войны. А миролюбие и демократия остались там на бумаге.

* * *

Сейчас существуют две Германии: одна — капиталистическая, другая — оставившая путь капитализма и пошедшая по новому пути. И в этой второй Германии, к востоку от Эльбы, находится большой город, столица страны, где тоже есть часть, оставшаяся капиталистической, и другая — воплощающая в себе новый путь Германии.

Это — ненормальное состояние. Однако не столь уж неестественное, если принять во внимание, что в наше время во многих странах власть в свои руки взял новый, восходящий класс и что поэтому границы классовой борьбы, которые еще проходят внутри ряда стран, стали также границами между государствами, границами между зонами и секторами.

Разумеется, это состояние не может не влиять на положение в существующих сегодня двух германских государствах. Если позволительно сравнение из области техники, образовались два силовых поля, воздействующих друг на друга.

Передовые слои трудящихся Западной Германии имеют в лице Германской Демократической Республики пример, на который они вправе ссылаться. Вот на их родной земле день ото дня все яснее подтверждается их заветная мысль: **«Смотрите, можно ведь и по-другому — дело идет и без капиталистов!»** Чем шире шагает Германская Демократическая Республика, тем больше искренних и честных сторонников завоевывает она на немецкой земле, тем мощнее становится ее притягательная сила для простых людей запада Германии. Каждая лишняя тонна выплавленной в ГДР стали, каждая вновь созданная машина, каждый воздвигнутый жилой квартал — аргумент в пользу социализма; и, наоборот, каждый плохо сшитый башмак, каждая неумело и скучно издаваемая газета мешают этому притягательному влиянию ГДР.

С другой стороны, в Федеративной республике доктора Аденауэра получают поддержку и одобрение все враги рабочего класса, все реакционеры, все, кто мечтает о возврате нацизма, все явные и скрытые недруги Германской Демократической Республики; впрочем, не только «моральную поддержку» получают они там, но и деньги, фальшивые паспорта, оружие, радиопередатчики, яды и листовки...

Они тянутся к Западу, эти издавна привыкшие повелевать господа, их лакеи и приказчики, проституированные политиканы и эсэсовские головорезы, они глядят на Запад в надежде, что оттуда придет «исцеление». Но на Запад глядят покамест и те, кто еще не понимает, где их подлинное место; их Запад манит еще своим построенным на буме «процветанием», своими витринами, цветистыми «комиксами», порнографией, «фильмами ужасов» и многим другим — еще похуже. Немалые деньги вкладывают во всю эту мишуру американцы и магнаты Рура и Рейна, они называют это «психологической войной».

Надо признать, что рядовому немцу нелегко. Через его сознание проходят встречные потоки лжи и правды, слухов и фактов, лицемерного «миролюбия» и миролюбия подлинного; все это приносят ему ежедневно газеты и радио. И не удивительно, что в некоторых немецких головах еще царит путаница.

* * *

Но история движется по своим законам, и им, разумеется, подчинены и судьбы Германии. Новое вырастает из старого, новое побеждает старое, как бы старое ни оборонялось, какое бы бесчеловечное и коварное оружие оно ни пускало в ход.

На немецкой земле это новое со всей очевидностью и непреложностью воплощается в Германской Демократической Республике.

Здесь крупные предприятия принадлежат народу. Здесь земли крупных землевладельцев переданы крестьянам, и крестьяне начали объединяться в производственные сельскохозяйственные кооперативы. Здесь дети рабочих учатся в университетах, а наука и культура стали достоянием трудящегося человека. Здесь женщина получила равные права с мужчиной. Здесь банки и основные торговые каналы в руках рабоче-крестьянского государства.

Вот почему Германская Демократическая Республика явится фундаментом демократического воссоединения Германии, разве что американцы вместе со своими западногерманскими ландскнехтами успеют до этого навязать человечеству атомную войну. В этом случае германский вопрос был бы «решен» в совершенно иной, трагической для немецкого народа форме. К счастью, есть все основания надеяться: миролюбивые силы человечества, в том числе и немецкого народа, сумеют предотвратить такой исход событий.

* * *

Новое в Германской Демократической Республике, как и все новое, развивается, преодолевая большие трудности.

Кто из немцев первым начал посев этого нового, посев надежды на окровавленной земле 1945 года? Несколько тысяч людей, вышедших из нацистских концентрационных лагерей; тысяча — другая возвратившихся из изгнания; примерно столько же людей, которым посчастливилось укрыться от лап гестапо и пережить период войны. Это была первая организующая, творческая сила на немецкой земле — партия рабочего класса.

Многие немцы вольно или невольно подчинились силе гитлеровской тирании,— пусть они только вытачивали снаряды за кусок хлеба, сколачивали ящики для патронов или покорно надевали на себя шинели фашистского вермахта. Но было много и таких, что не только смирились с нацизмом, но пошли гораздо дальше, приняв и претворяя в жизнь разбойничье «учение» гитлеровцев. Немало было таких, что сознательно шли захватывать и грабить земли на Востоке в интересах Гитлера, Круппа и И. Г. Фарбениндустри. И мало разве было таких, что ринулись в поход, рассчитывая на наживу, пусть даже нажива сводилась подчас к флакону духов из Парижа, к овчинной шубе с Украины, к десятку золотых зубов из Освенцима или к даровым «услугам» какой-нибудь девицы в оккупированной стране!..

И вот настал час, когда от всех этих людей потребовалось, чтобы они переучились. От них история потребовала, чтобы они начали **думать** — думать о себе самих, о своей стране, о своем будущем, о том, как начать по-иному жить и работать. Им объяснили, что предстоит не просто восстанавливать разрушенное, но строить новое общество, строить социализм. Но социализм можно строить только тогда, когда массы рабочего класса осознают необходимость этого и сами берутся за дело. А ведь в недавнем прошлом привычка к самостоятельному мышлению насильственно искоренялась в немцах. Кто не помнит циничных слов Геринга: «Я — ваша совесть».

* * *

Люди, которые тогда посеяли семена нового на земле, впоследствии ставшей Германской Демократической Республикой, — эти люди были героями, даже если принять во внимание важный факт, что при первом посеве им горячо и щедро помогали советские рабочие и крестьяне в солдатских шинелях.

Рядовые работники партии, в прошлом возглавлявшие какую-нибудь коммунистическую ячейку на заводе, взваливали на свои плечи руководство целыми городами и округами, а в этих городах и округах не было ничего, кроме голода и разорения.

Рабочие, умевшие обслуживать один станок, взялись управлять огромными предприятиями, а предприятия эти часто были наполовину разбомбленными.

Батраки, знавшие только одно — ходить за плугом, становились во главе огромных помещичьих владений, превращенных в государственные хозяйства, а земля тогда поросла бурьяном и совсем не было машин. Мужчины и женщины, которых прежнее государство только гнуло к земле, топтало, бросало в тюрьмы, теперь начали строить новое государство.

Много, бесконечно много было сделано этими людьми! Развалины были убраны, выросли новые заводы, старые были расширены и переоборудованы, проложены новые магистрали, и сооружены новые кварталы, совершенно новые города возникли там, где были пустыри. Народ живет, обеспечен питанием, республика с населением в 18 миллионов человек управляется немецкими рабочими и крестьянами, и даже — если говорить о том, что ближе автору этих строк,— написано несколько хороших книг, поставлено несколько хороших фильмов и пьес.

Однако сколько и каких трудностей пришлось преодолевать! Как цепко еще старое, как связывает еще сила привычки многих! И как все-таки сильно новое, захватывающее человека, овладевающее его сердцем, иногда даже против его воли! Однажды — это было 17 июня 1953 года — старое выползло наружу в своем отталкивающем уродстве — все эти гнусные «надежды» неразоружившихся фашистов, все мелкобуржуазные, анархические, босяцкие привычки. Но этому мрачному дню противостоят годы работы и самопожертвования. Противостоят тысячи героев высокопроизводительного труда, новаторов, сотни тысяч сознательных подвигов, из которых рождалось новое.

* * *

Конечно, и сегодня в Германской Демократической Республике не перевелись еще люди, которые в качестве агентов Запада либо сами от себя пытаются наносить вред делу социализма и демократии в стране, а тем самым делу мира во всех странах. Есть еще обыватели, спекулирующие товарами между зонами Берлина и заодно распространяющие дикие слухи и сплетни; не перевелись саботажники, нарочно создающие путаницу в экспортно-импортных операциях, в снабжении. Еще встречаются люди, которые с гитлеровских времен привыкли выжидать и высматривать. Они выжидают и теперь: кто, мол, окажется сильнее: Москва или Вашингтон? А пока живут... Живут, затаясь, внешне безобидные, как губчатые наросты на стволе дерева, но и они могут подчас оказаться ядовитыми. Одна из разновидностей этого типа — перестраховщики, рассчитывающие обезопасить себя и на тот и на другой случай. Они носят в кармане членскую карточку какой-либо прогрессивной организации, браво участвуют во всяких официальных шествиях и демонстрациях; но их можно было встретить и в Западном Берлине, среди получателей пресловутых «посылок со свининой» из-за океана: пусть, мол, мое имя останется в американских списках, а вдруг придется доказывать, что я не «красный»!..

Есть и такие, кто, одолев тысячи «страхов», громко и речисто выступает в поддержку партии и рабочего класса, особенно если можно в виде награды за усердие рассчитывать на какое-либо местечко в учреждении или на четверть фунта власти. Эти чаще всего закрывают глаза на трудности, надевая на нос розовые очки. Они не способны кого-либо в чем-либо убедить, поэтому понемножку начинают командовать, механическое послушание называют «сознательной дисциплиной», формальные аплодисменты — энтузиазмом. И возмущаются, когда их хватают за руку и мешают составлять приукрашенные отчеты об их деятельности.

* * *

Разумеется, такого рода люди не играют решающей роли в республике. Решает то, что в Германской Демократической Республике на бесчисленных постах, высоких и рядовых, стоят массы людей, на которых можно полностью положиться в деле демократии и социализма. На заводах и в деревне, у доменных печей и на шахтах, на верфях и на лесах новостроек, в конструкторских бюро и у диспетчерского пульта, в спокойные рабочие часы и в дни напряжения и трудностей то и дело кто-нибудь выскажет какую-либо мысль, внесет предложение, на первый взгляд не столь уж выдающееся. Но потом оказывается, что из этих мыслей и предложений вырастает то большое, что революционизирует жизнь, движет ее вперед. Это говорит о том, что люди переменились.

Посев взошел, несмотря на нелегкую почву, несмотря на сорняки, которые еще не везде выполоты. Те сыны немецкого народа, которые на этой земле были загублены в концентрационных лагерях, и советские солдаты, похороненные в Трептове под сенью гигантского воина, держащего на руках девочку, — все они не напрасно отдали свою жизнь. Растет новая, лучшая Германия, с лучшими людьми. Это не значит, что эти люди всегда и обязательно говорят «да»; они часто критикуют; они даже подчас ругаются и иногда даже поругивают своих руководителей. Но если их спросить: «Хотите ли вы вернуться к тому, что было?» — они ответят сердито: «С ума ты спятил, что ли? Мы же рабочие! Это **наши** заводы, это **наша** земля».

Это и есть новое. В этом суть победы. Победы великой идеи, воплощением которой является Германская Демократическая Республика.

Белые кони

Юрий ЯКОВЛЕВ

Цок... Цок... Цок...
Цок... Цок... Цок...
Скачут белые кони,
Будто белые птицы,
Теряясь вдали.
Гривы дико кипят.
Свищет ветер погони.
Поднимается облаком
Пыль от земли.

Скачут белые кони
По улочке зыбкой.
Взглядом женщины их
Провожают с тоской.
А бойцы на скаку
Умирают с улыбкой,
И живые завидуют
Смерти такой.

Так себе представлял
Я войну, подрастая.
А потом очутилась
Война под окном.
Обняла меня крепко
Шинелька простая,
Обняла своим жестким,
Шершавым сукном.

Не подвел мне коня
Под уздцы ординарец.
Белый конь не помчал
Через город меня.
Вот винтовка, подсумок,
Лопатка и ранец...
Нагрузили меня
Самого, как коня.

И пошел я, пошел я
С друзьями по роте
Грязь месить сапогами,
Окопы копать...
И взрослеть и стареть
На солдатской работе...
В медсанбате страдать,
На земле умирать.

Оказалась война
Некрасивой и грязной,
Вшивой, мокрой, холодной,
Сожженной до пней.
И на этой войне
Я не видел ни разу
Ни в конце, ни в начале
Тех белых коней.

Но я знал, что невзгода
Пройдет стороною.
Пред детьми мы предстанем
В скрипящих ремнях.
И войну наши дети
Представят иною,
И приснимся мы детям
На белых конях.

С ними жить!

«Величав Алтай-батюшка, как мир на румяной росной заре. Струятся по нему живые воды: окунись в них поутру седой старец — и снова как молодой».

Таким поэтическим эпиграфом из народной сказки начинается роман Е. Пермитина «Горные орлы» — произведение, объемное по времени и событиям, многоплановое по замыслу, с большой галереей действующих лиц, с их необычными и сложными судьбами.

«Горные орлы» — это суровая художественная эпопея о величавом Алтайском крае с его могучими горными кряжами, непроходимыми таежными массивами, непуганым зверем, с твердой, веками нетронутой на степных просторах землею, которую сейчас поднимают, осваивают советские люди — хозяева этого богатейшего края.

Но не сразу был покорен и освоен Алтай. В тяжелой и неравной борьбе с дикой природой закалялись первые старожилы — звероловы-охотники, убегавшие от царских стражников. Это была сильная, непокорная вольница первых русских поселенцев: степняки с Урала и Дона, с Украины и Волги — богатыри, поднимавшие одной рукой трехпудовые медвежьи капканы. Таким был прапрадед главного героя романа Селифона — Мелентий Адуев, колоритно нарисованный автором в прологе. Таким же могучим человеком, кузнецом, знаменитым охотником дожил до наших дней и дед Селифона, Агафон Евтеич Адуев.

Густо, зримо, сочным народным языком рассказывает автор о своих героях, раскрывает их характеры.

С присущей ему страстностью и проникновением автор рисует картины природы:

«Тайга! Кто вымерял твои пади? Кто взбирался на обрывы твоих стремнин, откуда земля кажется опрокинутой чашей, потрескавшейся морщинами ущелий, с тончайшими ниточками речной глазури? Кто дышал вместе с тобой смолистым теплом весны, дрожал на ледяных твоих острянках, ночуя в жилище бурь и ветров, восторгался тобою в час урагана, черной и ревущей, как океан?»

Темна и, как тайга, беспросветна была до революции жизнь черновушанских охотников и хлеборобов, живших по диким старозаветным раскольничьим законам. Суров, тяжек и мрачноуродлив их быт. Свирепы и беспощадны черновушанские богатеи — такие, как староверский уставщик Амос, Мосей Анкудиныч, Автом Пежин. Хитер, умен, изворотлив начитанный острослов Егор Рыклин — самый ярый и трудно разоблачимый враг всего нового, светлого, пришедшего в таежное село вместе с революцией.

Трудны и не совсем еще устойчивы шаги бедноты и середняков на первых порах становления Советской власти. Но они упорно, настойчиво тянутся к новой жизни, которую творят большевики Орефий Зурнин и бывший партизан Дмитрий Седов. Как и всегда, с горячим задором откликнулась на призыв революционных вожаков молодежь во главе с Селифоном Адуевым, Мариной Величко, дочерью плотника. Первые комсомольцы, они приняли на себя яростные удары черновушанских богатеев.

Как патриот родного края, автор остается верен своей теме. Естественным продолжением всего творчества Е. Пермитина явился его последний роман о целинниках Алтайского края — «Ручьи весенние».

Вместе с первыми героями целинных земель писатель выехал в родные края. Жил с молодежью, трудился почти год. Ездил с секретарем райкома партии по непролазным дорогам, трусил верхом на колхозном маштаке; закаленный спортсмен-охотник, бродил по полям и горным тропам, смотрел на первую борозду, изучал буйную, вдохновенную жизнь молодежи. Как можно было не написать об этом! Как можно было утерпеть и не описать монолитную фигуру председателя колхоза Боголепова! Как не занести в писательский блокнот курносого, белокурого Игоря Огурцова, привыкшего носить смятую шапчонку «в лихой манере» и с жаром браться за любое дело!

Читая книгу, знакомясь с ее героями, начинаешь любить их от всего сердца. С такими людьми хочется жить и работать!

Новые романы Е. Пермитина вызывают у читателя чувство гордости за нашу Родину.

«Скорей темные леса твои опрокинутся корневищами в небо, а вершинами врастут в землю, чем выжгут из сердец твоих сынов вечную, неискоренимую любовь к тебе...» — говорит писатель-патриот.

Горячими словами сыновней любви к Родине заканчивается роман «Горные орлы». Две книги Ефима Пермитина — своеобразный отчет перед читателями накануне сорокалетия Великой Октябрьской революции.

Павел ФЕДОРОВ

Ефим Пермитин. Горные орлы. Роман. Изд-во «Советский писатель». Москва. 582 стр.
Ручьи весенние. Роман. Изд-во «Молодая гвардия». Москва. 366 стр.

МАСТЕРСТВО ЛИТЕРАТОРА

Кто не читал романов И. Тургенева, Алексея Толстого!.. Но не все знают, почему главный герой романа Тургенева «Рудин», романа, в котором всего-то сто с небольшим страниц, появляется только на 22-й странице. Или: почему Алексей Толстой, автор «Петра Первого» и «Хождений по мукам», принципиально не любил давать описания внешности своих героев. Словом, сотни подобных вопросов возникают у читателя, на которые он не всегда может самостоятельно ответить.

И здесь ему может помочь только что вышедшая книга Михаила Шкерина «Очерки о художественном мастерстве писателей». Таких книг, посвященных общим проблемам художественного мастерства, в нашей литературе пока немного. На примерах из произведений русских классиков, из произведений советских писателей — М. Шолохова, Н. Островского, Ф. Гладкова, В. Ильенкова, Ф. Панферова, М. Бубеннова, С. Бабаевского и других — критик показывает различные стороны писательского мастерства. Автор часто адресуется к молодым литераторам и вводит их в творческую лабораторию мастеров художественного слова.

Очерки М. Шкерина — цельная, боевая книга. Она отстаивает правильное понимание литературы социалистического реализма, выступает против узкого, нигилистического подхода к оценке советских писателей. Книга помогает почувствовать богатства нашей литературы. Поэтому совершенно справедливо звучат заключительные слова очерков: «...Надо удивляться не тому, что у нас пока нет писателей, равных Пушкину, Гоголю, Белинскому и Льву Толстому, а тому, что у нас уже есть такие могучие таланты, как Шолохов и Алексей Толстой, Маяковский, Есенин и, кроме того, целая плеяда одаренных писателей.

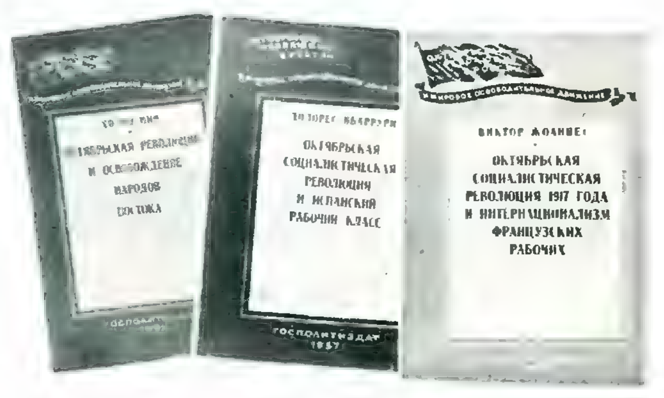
Нет, это не мало за сорок лет существования нового мира! Можно не сомневаться, что в следующие сорок лет появятся на нашей земле таланты еще более могучие и, может быть, такие, каких еще не видел мир!»

Эта вера в творческие силы советской литературы проникает все очерки книги и передается читателю.

В. ГАЛИН

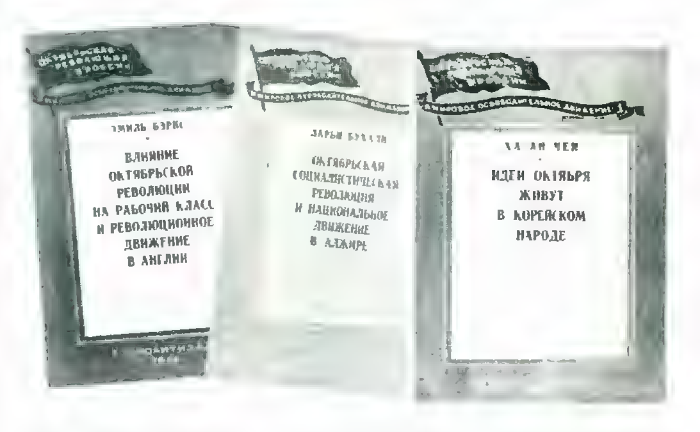
Михаил Шкерин. Очерки о художественном мастерстве писателей. Изд-во «Молодая гвардия». Москва. 1957. 240 стр.

Под знаменем Октября

Небольшие разноцветные брошюры, на обложке — развевающееся красное знамя и лента с надписью: «Октябрьская революция в России и мировое освободительное движение». Это новая серия, выпускаемая Государственным издательством политической литературы к 40-летию Великого Октября.

Написаны брошюры в разных уголках земного шара — в Мексике и Корее, Англии и Вьетнаме, Алжире и Голландии. Авторы брошюр, руководящие деятели коммунистических и рабочих партий, рассказывают о революционном движении в своих странах, о влиянии Октябрьской революции на формирование коммунистических партий в странах Европы, Азии, Африки, Америки. Знакомишься с этими брошюрами, и каждая из них неопровержимо доказывает, что крупнейшим событием XX века, определившим судьбы всего человечества, была Октябрьская революция в России. «Бесспорно, что в течение истекших 40 лет,— пишет в своей брошюре первый секретарь Алжирской коммунистической партии тов. Ларби Бухали,— не было ни одного важного события, касающегося мира, свободы, национальной независимости и социального прогресса народов, на котором не сказалось бы — прямо или косвенно — влияние Великой Октябрьской социалистической революции».

О подъеме национально-освободительного движения народов Востока пишут в своих брошюрах президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин и член Центрального Комитета Трудовой партии Кореи Ха Аи Чен. Дионисио Энсина, генеральный секретарь Мексиканской коммунистической партии, говорит о влиянии Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Мексике. Эмиль Бэрнс (Англия), М. Баккер и Ф. Барух (Нидерланды), Виктор Жоанес (Франция), Долорес Ибаррури (Испания), Эрих Карлссон (Швеция) рассказывают советскому читателю о великой преобразующей силе идей марксизма-ленинизма, о значении Октябрьской революции в России для подъема рабочего движения европейских стран.

НОВЫЙ АЛЬМАНАХ

В журнальном мире появился новый альманах — «Современная драматургия», призванный знакомить читателя с новинками советской и зарубежной драматургии. Другой, не менее важной задачей альманаха является формирование репертуара наших многочисленных театров и самодеятельных театральных коллективов.

Первый номер альманаха содержит шесть пьес самых различных жанров. Тут и драма Дм. Зорина «Вечный источник» — о В. И. Ленине и народе, который во главе с партией ищет пути к новой, социалистической жизни; и лирическая драма Гр. Бердзенишвили «Тростник на ветру», рассказывающая о становлении характеров молодых советских людей, их любви, дружбе; и лирическая комедия поэта Марка Соболя «Товарищи романтики» — о молодых целинниках.

«Две тещи, или... все, как в водевиле» — так называется пьеса Вадима Коростылева, по определению автора, «нестаринный водевиль в трех действиях, с прологом и эпилогом». Публикуются также две переводные пьесы: комедия молодых румынских драматургов В. Стоенеску и О. Сава «Ноль по поведению» и драма Э. М. Ремарка «Последняя остановка».

ВМЕСТЕ С РУССКИМИ

Вечером на реке Лене.

А. НОВИКОВ

Снег да мороз. Маленький Авксентий стремглав выбегает из юрты и бросается в пургу. Он пробегает метров двести, приседает и дует сквозь прорванную штанину на колено. В доме батрака Мординова нет и лоскута, чтобы залатать штаны Авксентию.

А вот и юрта Бакранова. Два сына Бакранова одеты еще беднее. Оленьи синяхи на них так износились, что просвечивают насквозь. У Авксентия все же на голове фетровая шляпа, повязанная сверху ситцевым платком. Отец выпросил ее на зиму у хозяина: зачем человеку шляпа зимой? И когда Авксентий приходит в школу, лоб так замерзает, что ноет первые два урока.

Возвратясь из школы, маленький Авксентий еще долго не может отогреться у камелька. Последние, закатные лучи погасли на куске льда, вставленном в окошко вместо стекла. Хнычут голодные дети, что-то бормочет слепая бабка...

Слепнет отец, плохо ему. Мать пошла за шаманом.

Авксентий спрятался в дальний угол, когда увидал на груди вошедшего шамана медное солнце. На спине такой же круг, символизирующий луну. На балахоне железные подвески, на руках железки — крылья, символ того, что шаман летает.

Шаман колотил в бубен так громко, что можно было оглохнуть. Усевшись на лошадиную шкуру, он призывал духов подземного мира спасти зрение батраку Мординову. Спрятавшемуся за спину бабки маленькому Авксентию страшно, он чувствует, как воротник заячьего зипуна прилипает к шее.

...Белоснежный воротничок мягко облегает шею профессора Авксентия Егоровича Мординова — ректора Якутского государственного университета, доктора философских наук.

От воспоминаний о шамане он переходит к рассказу о своем юношестве, о первых годах молодой Советской власти, сделавшей все для того, чтобы тысячи и тысячи таких, как Мординов, стали свободными и культурными гражданами своей Родины.

Учеба в Москве, преподавательская работа в Якутске, кандидатская диссертация, снова Москва, докторантура в Академии наук, переводы трудов Маркса, Энгельса и Ленина на якутский язык.

Авксентий Егорович подходит к большому окну своего кабинета и, распахнув его, смотрит на город. Слева — здание одного из факультетов, справа — краны на стройке филиала Академии наук, рядом — башня, построенная енисейскими казаками 325 лет назад...

Сколько перемен произошло на якутской земле!..

В самолете, шедшем из Москвы, со мной летела группа якутских пионеров. Один из них, который вез спрятанные в подкладке кепки черноморские камешки, рассказал, что они летят из Артека. Девочки перед взлетами раздавали конфеты и фрукты, а мальчишки стреляли друг в друга из резинок свернутыми бумажками и чувствовали себя в самолете совсем как в школе.

Самолет — вот что приходит в Якутии на смену оленям и собакам. Летчики перевозят в разные концы республики все, что требуется для геологов и золотоискателей. Растет новый город Мирный — центр алмазодобывающей промышленности.

...Авксентий Егорович продолжал смотреть в окно. Туда, где в освещенных мягкими лучами осеннего солнца далях раскинулась Якутская республика. В 60-м году она даст золота куда больше, чем в последний год перед войной. Мне казалось, что Авксентий Егорович видит металлургический комбинат, который будет построен в Алдано — Чульманском районе, в бассейне, по запасам угля большем, чем Донецкий.

— Будут жить и якуты по-человечески — так сказал Чернышевский, который был сослан сюда,— продолжает Авксентий Егорович.— Но не потому якуты давно дружат с русскими, что крестились в 17-м веке и носят русские имена и фамилии. Как много сделали передовые люди России для нас, якутов! Их привозили сюда вооруженные солдаты на баржах. А они через тюремные частоколы и полицейские преграды несли нашему народу свет марксистско-ленинских идей.

Мой собеседник снова повернулся к раскрытому окну:

— Пройдитесь по городу, посмотрите...

На центральной площади, у которой еще нет названия, тракторы растаскивали остатки старых домишек, самосвалы привозили саженцы и землю. Бульдозеры засыпали воронки от фундаментов

Строители снимают леса со здания русского драматического театра.

Вилюй-река

Леонид ПОПОВ

Старый Вилюй, золотая река,
Солнце скользит по волне
голубой!
Вновь я пришел на твои берега
Налюбоваться досыта тобой.

Путнику чудится, что с высоты,
Яркими красками радуя нас,
Пала нечаянной радугой ты,
Брызнула сотней огней,
как алмаз.

Чудится: в каплях прозрачных
волны,
В чистом сиянье, пронзившем
струю,
Клады старинные отражены,
В нашем отысканные краю.

Горы вокруг потому так белы,
Что омывает твоя их вода.
Звезды, встающие ночью
из мглы,
Тоже приходят купаться сюда.

Старый Вилюй, золотая река,
Солнце скользит по волне
голубой!
Вновь я пришел на твои берега
Налюбоваться досыта тобой.

Перевел с якутского
Марк ШЕХТЕР.

Якутск.

На кафедре зоологии Якутского государственного университета. Второй справа — А. Е. Мординов.

былых купеческих лавок и трактиров. Умирал серый, деревянный Якутск. Рос и хорошел новый город.

В эти дни снимали леса со здания русского драматического театра. И в эти же дни в Якутском музыкально-драматическом театре шли репетиции оперы «Ньургун Боотур», написанной по мотивам народного эпоса. Партию Юрюн Уолана, честного и храброго юноши, пел молодой артист Гавриил Колесов, уроженец колхоза, носящего ныне имя Героя Советского Союза Ф. К. Попова. Еще мальчишкой Колесов по вечерам с замиранием сердца смотрел на сцене колхозного клуба выступления драмкружка или хора. В школе учитель научил его петь якутские народные песни.

Потом Гавриил пришел в якутский радиокомитет. Его стали учить нотам, теории музыки, актерскому мастерству. Теперь он поет в театре партию честного, храброго юноши — осуществилась мечта его совсем не далекого детства...

Единственная в Якутске собака, которая используется как «средство транспорта».

Вот эта скульптура будет установлена во дворе нового здания «Инглиш электрик компани».

МУКИ ИСКУССТВА

«Быть или не быть?» Этот гамлетовский вопрос звучит сейчас во многих английских театрах совсем не по-театральному. За последние два года свыше ста театров в Англии прекратили свое существование. Еще несколько находятся при смерти.

Подлежит сносу один из старейших лондонских театров—«Сент-Джеймс»,— который существует 122 года. Участок, где он расположен, купил миллионер Феликс Фенстон, который намерен на этом месте выстроить служебное помещение. Последние дни доживает театр «Принц Уэльский» в Кардиффе.

Недавно англичане узнали о печальной судьбе еще одного из театров. В Лондоне начали сносить здание «Гэйэти театр». Этот театр прекратил свою деятельность еще накануне войны, и попытки возобновить работу «Гэйэти театр» не имели никакого успеха. На месте «Гэйэти театр» будет сооружено новое здание «Инглиш электрик компани». Любимая лондонцами скульптура, которая находилась на крыше этого театра, будет украшать двор здания английской компании.

Передовые деятели английского искусства ведут борьбу за театры. Популярнейшая английская актриса Вивьен Ли, известная советским зрителям по исполнению главной роли в фильме «Леди Гамильтон», произнесла в защиту театра «Сент-Джеймс» взволнованную речь в палате лордов. Но почтеннейшие лорды «мягко» выдворили ее из парламента. В сентябре в Кардиффе Вивьен Ли приняла участие в собрании, где обсуждались меры по спасению театра «Принц Уэльский». Она сказала, что готова сама выступать в этом театре.

По сообщению газеты «Дейли миррор», Вивьен Ли заявила: «Я чувствую, что мне нет места в стране, которая ничего не делает для искусства. Эта страна медленно уничтожает одну из областей искусства».

Л. ПАВЛОВ

Сносят здание «Гэйэти театр»...
Фото из журнала «Сфир» и газеты «Дейли миррор».

Вивьен Ли с плакатом, выпущенным в защиту театра «Сент-Джеймс». Этот портрет напечатала английская газета «Дейли миррор».

ДРАГОЦЕННЫЙ узелок

Л. КУДРЕВАТЫХ,
специальный корреспондент «Огонька»

Мне не раз говорили японские друзья-литераторы:

— Познакомьтесь с Абэ-сан. Она лично знает Шолохова, переписывается с ним. Она много делала и делает для пропаганды его замечательного творчества в Японии.

Среди японской интеллигенции много друзей — поклонников и пламенных пропагандистов русской, советской литературы. Руководитель отделения русской литературы Токийского университета «Васэда» профессор Тацуо Курода недавно закончил многолетний труд — перевод «Клима Самгина» М. Горького. Он говорил со мной о том, как окрыляет человека вдохновенное творчество этого огромного писателя. Канци Охара, еще совсем молодой человек, подарил мне книгу на японском языке — его перевод поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

— Недавно я прочитал «Василия Теркина» А. Твардовского, — говорил мне Охара. — Влюбился в поэму, в творчество этого замечательного поэта.

Накануне нашего отъезда из Японии семья Хидзиката, известных прогрессивных деятелей Японии, подарила нам полное собрание сочинений А. Макаренко, изданное на японском языке.

Беседовал я с десятками людей, подлинных друзей нашей литературы. Но с Абэ-сан долго не удавалось увидеться. Я написал ей открытку с просьбой повидаться и рассказать мне о встречах с М. А. Шолоховым. Она немедленно ответила телефонным звонком, а на следующий день приехала в «Гранд-отель», где мы жили в Токио. Небольшого роста, в черном платье, с располагающей улыбкой на лице, она поздоровалась и смущенно села на диван, положив рядом с собой узелок в цветастом японском платке.

— Как себя чувствует Михаил Александрович? — спросила она, оправившись после некоторого смущения при знакомстве.

— По-моему, хорошо. Недавно он вернулся из поездки по скандинавским странам. А вы давно знакомы с Шолоховым?

— Если двадцать два года считать большим сроком, то, значит, давно. Но уже более двадцати лет мы не виделись. Ни с ним, ни с его семьей.

— И с семьей его знакомы?

— Мы не только знакомы, а, можно сказать, дружили.

Абэ-сан развязала узелок и достала номер японского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Кайзо» за 1935 год с уже пожелтевшими от времени листами. Она открыла страницы, на которых был

напечатан ее очерк с фотографиями о посещении М. А. Шолохова в станице Вешенской. Появление этого очерка она объяснила так:

— Уже в то время в Японии высоко ценили творчество Шолохова. Читатели восторженно встречали переводы его книг. Самые различные люди интересовались всеми деталями творчества и жизни писателя. Я тогда работала в Москве, в японском посольстве, стенографисткой. Мой знакомый, редактор токийского журнала «Кайзо» Ямамото-сан, письмом попросил меня побывать у Шолохова и взять у него интервью. Михаил Александрович в то время находился у себя дома, в станице Вешенской. Я послала ему открытку, изложив просьбу журнала. Вы поймете, какова была моя радость, когда я получила ответ, а в нем приглашение приехать в Вешенскую. Это была осень 1935 года. Я немедленно поехала на родину Шолохова. Встретили меня с радушием и подкупающей простотой. С первого же часа я стала как бы своим человеком в семье. Михаил Александрович спросил меня:

— Абэ-сан, как вас звать по имени?

— Иосие.

— А по отчеству?

— У нас не зовут по отчеству.

— А по русскому обычаю величают и по имени и по отчеству — Иосие Иосидзовна.

Так и стали звать меня в доме Шолохова — Иосие Иосидзовна.

Я пробыла в Вешенской, не помню, двое или трое суток. А когда настал час расставания, попросила Михаила Александровича, по нашей японской традиции, написать что-нибудь на память для меня. Для этого у меня уже был заготовлен специальный картон с золотым ободком и с золотой россыпью на лицевой стороне. На этой картонке Шолохов и написал памятные для меня слова.

Иосие Абэ-сан снова склоняется над узелком и подает мне эту, бережно хранимую картонку. Я читаю:

«Как степной житель, я буду рад, если И. Абэ изредка будет вспоминать нашу поездку на охоту, целинную степь и чудесных белых стрепетов на фоне голубого сентябрьского неба.

М. Шолохов

23/IX—35 г.
Вешенская».

Моя собеседница прячет в узелок эту дорогую для нее картонку и подает мне другую.

«Абэ-сан.

Так начинается «Поднятая целина»: «В конце января, овеянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады...».

Вероятно так же, как и в Вашей, милой нашему сердцу, Японии.

М. Шолохов

2/VI—36 г.».

Потом Абэ-сан показывает мне третью картонку с автографом Шолохова из «Тихого Дона».

— Выходит, вы часто ездили в Вешенскую? — спрашиваю я.

— Нет, к сожалению, всего один раз. Но почти каждый приезд Шолохова в Москву для меня был праздником. Он обязательно звонил ко мне, и я, забыв все, бежала к ним. Мы гуляли по улицам Москвы вместе со всей семьей Шолохова. Каждая новая встреча с Шолоховым вдохновляла меня на новый очерк для японского журнала. Автографы Шолохова, что я вам показывала, сейчас широко известны японскому читателю: они публиковались много раз.

Абэ-сан достает из своего бездонного узелка книгу — недавнее переиздание «Поднятой целины». Книга открывается портретом М. А. Шолохова, а под ним его автограф: первый памятный дар Абэ-сан.

— В 1937 году я вернулась в Японию, — продолжает Абэ-сан. — И с той поры не встречалась ни с Михаилом Александровичем, ни с его семьей. Но скоро, очевидно, увидимся.

— Вы собираетесь в Москву?

— Нет. Михаил Александрович собирается к нам, в Японию, — И Абэ-сан опять склоняется над узелком, извлекает оттуда конверт, а из конверта письмо:

«Дорогая Иосие Иосидзовна!

Как видите, я не забыл по-русски звучащего Вашего отчества.

Благодарю Вас за память обо мне и прошу извинить меня за долгое промедление с ответом. Жизнь под старость так быстро идет, что не все успеваешь осуществить, сделать.

Я очень рад, что Вы живы и здоровы и преуспеваете в области любимого Вами искусства. Все мы в Вешенской по-прежнему помним Вас и очень тепло вспоминаем. Даже не верится, что мы виделись двадцать лет назад, и от того, что жизнь так стремительно летит, становится грустно.

Наш Саша давно уже закончил Тимирязевскую академию, женился, работает агрономом в Крыму. У него уже есть дочь 8 лет. Светлача, когда-то маленькая, тоже давно замужем, мать 12-летнего мальчика, преподавала в Таллине, в Университете, а сейчас недалеко от Вас, на Камчатке. Ее муж — молодой капитан корабля.

Я уже дважды дедушка, и мне пора не только носить усы, но и отращивать бороду. Миша и Маша учатся в Москве в университете, и дома мы вдвоем с Марией Петровной.

К сожалению, я не видел кинокартины «Арфа в Бирме», но не теряю надежды ее увидеть; в будущем году думаю побывать в Японии, и тогда надеюсь познакомиться с Вашей любезной помощью и с вашей страной и с японским искусством.

Я и Мария Петровна шлем Вам сердечный привет и от всей души желаем здоровья и счастья.

С уважением М. Шолохов
Ст. Вешенская
12 мая 1957 г.

П. С. Пластинки и письма, переданные г-ном Сонобе в ВОКС, я не получил.

М. Ш.».

— Кинокартина «Арфа в Бирме», — поясняет Абэ-сан, — имела у нас большой успех. Я арфистка, игре на арфе училась в годы пребывания в Москве. У меня там много добрых учителей. Значительная часть картины «Арфа в Бирме» идет под сопровождение арфы. Играю я. Вот почему в письме и упоминается эта кинокартина. Мы все рады возможному приезду Михаила Александровича в Японию. Его у нас знают и любят. Его произведения переиздаются многими издательствами, и достать их в магазинах невозможно: быстро раскупаются.

Иосие Абэ-сан уложила последнее письмо Шолохова в конверт, спрятала конверт в узелок. Но оттуда она извлекла еще одну фотографию — Абэ-сан в семье Шолохова 21 год назад. Я попросил разрешения переснять эту фотографию и опубликовать ее в «Огоньке». Абэ-сан категорически возражает:

— Это моя личная реликвия. И, пока я жива, она останется только при мне.

— А можно получить вашу фотографию? — настаиваю я.

— С собой у меня нет такой фотографии. Но дома есть. Недавно я фотографировалась в большом донском платке, подаренном мне в свое время Михаилом Александровичем.

Если встретите Михаила Александровича, передайте ему мой привет и привет от всех его читателей в Японии.

Абэ-сан медленно идет к двери. Моя переводчица, провожая ее взглядом, говорит:

— Какой хороший человек Абэ-сан и какой у нее в руках драгоценный узелок!

КТО ЖЕ ПРАВ?

Я. ФОМЕНКО

Фото О. Кнорринга.

1. Машина-загадка

Маршрутный автобус вышел из Харькова на автостраду Москва — Симферополь и, набрав скорость, помчался к Белгороду. Водитель находился в том расположении духа, какое бывает у человека со здоровым аппетитом после плотного завтрака. Хорошему настроению способствовало и то обстоятельство, что рейс проходил отменно благополучно. Ни одно место не пустовало. За всю дорогу от Москвы до Симферополя и обратно до Харькова двигатель ни разу не «барахлил». Ни одной камеры не пришлось менять из-за прокола, и ни один регулировщик не сделал замечания за обгон, хотя автобус много раз в неположенных местах обставлял «легковушки», не говоря уже о тихоходах-грузовиках.

Приятно, шут возьми, к удовольствию пассажиров пронестись мимо «Москвича»-лилипута, а то вольствию пассажиров пронестись мимо «Москвича»-лилипута, а то и мимо «Победы» и оставить их позади! Обгонишь — и перед тобой свободная, бесконечная гладь ков. «ЗИЛы» и «ЗИЛы-150» встречаются на дальних трассах не так часто, так что тягаться с междугородным автобусом и некому. Недаром зовут его «хозяином автострады».

Что стоит обойти вот тот грузовик, что пыхтит впереди? Водитель прибавил «газку», и вскоре в правом боковом стекле кабины автобуса мелькнуло потное и покорное лицо трудяги-шофера, везущего тяжелую кладь. Снова впереди свободная, согретая солнцем дорога. Взвихренный воздух обвевает лицо, затылок, спину. Хорошо!

Но что это? Позади слышится настойчивый рокот. Он нарастает, становится все явственнее, все сильнее. Неужели кто настигает? Считанные минуты — и слева промчался зеленый грузовой фургон с натянутым на сводчатые перекладины брезентом.

Никогда такого не бывало! Чтобы грузовик отважился меряться скоростью с «хозяином автострады»? Да еще как обогнал! Проплыл, точно флагман. И не просигналил.

Водитель автобуса нажал на акселератор. Нет, слишком крут подъем. А соперник уносился дальше, и казалось, что в гору ему легче бежать, чем под уклон. На спуске автобус начал было настигать зеленый фургон, но очередной подъем опять угасил скорость. Так до самой Тросны автобус пытался обойти идущую впереди машину-загадку и не смог. Слишком много та выигрывала на подъемах. Какой-то сумасшедший грузовик!

Хорошее настроение водителя автобуса улетучилось. И пассажиры притихли, увидев его бессилие...

Через некоторое время тот же зеленый фургон догнал на Минском шоссе, под Смоленском, ко- зеленый фургон догнал на Мин- ском шоссе, под Смоленском, колонну «ЗИЛов» и остановился на обочине автострады. Кто-то спросил водителя фургона:

— Ага!

— Значит, в Смоленске вместе заправляемся?

— Зачем? До Минска хватит...

— Одного бака? У тебя цистерна, что ли?

— Такой же бак, как у всех.

Недоверчиво глянули на бак и убедились: действительно, как у всех. И в кузове никакого запаса.

Пока смотрели бак, фургон тронулся. Шоферы с недоумением проводили его взглядом, а потом решили:

— Форсит парень! Встретимся у заправки.

В Смоленске заправщица сказала, что никаких фургонов она не видела, и тогда шоферы подумали:

«С фокусом, видать, машинёшка. До Минска без заправки!»

И кто-то прищелкнул языком. От удивления, а может, от зависти.

Прошло немного времени, и зеленый фургон увидели на Кавказе, у разбухшей после ливня горной речушки. На обоих ее берегах столпились грузовики. Ждали, пока спадет вода.

О переправе никто и не думал. Куда там! Глубина — полтора метра. И вдруг нашелся храбрец. Зеленый фургон объехал всех стороной, задержался у берега, словно принюхивался, и двинулся наперерез потоку. Скрылись под водой колеса. Волна перемахнула через капот, обкатила ветровое стекло. Эх, попёрся, чудак! Захлебнется — вытаскивай его потом. А фургон, переваливаясь на подводных камнях, выполз на противоположный берег и стал упрямо взбираться в гору.

Подбежали на ходу и спросили водителя фургона:

— И свечи не залило?

Тот прокричал из кабины:

— У меня никаких свечей нету!

В Крыму, близ Алушты, было так.

Зеленый фургон подкатил к пляжу. Тотчас подбежали владельцы «Побед» и «Москвичей».

— Бензинчик есть продажный?

Прибывшие на фургоне люди

Прибывшие на фургоне люди торопливо сбрасывали одежду, намереваясь кинуться в море, и отвечали, весело перемигиваясь: копеек!

Когда выстроилась очередь покупателей с канистрами и деньгами, приезжие сказали:

— Извините, граждане, мы пошутили. У нас ни капли бензина. Другое горючее...

И тогда жаждавшие запастись «левым» бензином автомобилисты обратили внимание на желтую таблицу с надписью: «Испытания».

Где только не побывал грузовик с желтой таблицей! Его видели чабаны Черных земель, виноградари Молдавии, колхозники болотистых районов Белоруссии, обитатели лесных деревень за Вологдой, шоферы Южной Украины и Азербайджана. Всюду быстроходный грузовик с туго натянутым тентом-крышей вызывал любопытство и почтение. И когда пассажиры зеленого фургона делились с водителями «ЗИЛов», «ЯАЗов», «МАЗов» «секретами» своей машины, те просили:

— Скорей кончайте испытание! Давайте нам ее!

2. Простые секреты

Мы были разочарованы. Ожидали увидеть диковину, а нам показали обычный и даже не новый «ЗИЛ». Сколько их ходит по бесконечным нашим путям, вот таких грузовиков!

А Василий Петрович Демидов, водитель зеленого фургона, говорит:

— Единственная во всем СССР и во всем мире машина!

Чтоб доказать, — вовсе я, мол, не шучу! — Демидов поднимает капот и произносит непонятное для нас:

— «ДБ-64».

Инженер-испытатель Андрей Владимирович Дормидонтов поясняет:

— «Д» — дизель; «Б» — быстроходный; «6» — шестицилиндровый, «4» — четвертый вариант.

Потом... Потом на удивление просто раскрываются «секреты» зеленого фургона. На всех «ЗИЛах» стоят бензиновые двига- «ЗИЛах» стоят бензиновые двигатели. На фургоне, их единственном собрате, сошедшем с одного и того же конвейера, стоит свечей, что заливаются при переездах вброд через реки и преодолении глубоких луж в бездорожье! Конечно же, у водителя зеленого фургона не поживишься «левым бензином»! Его двигатель работает на дизельном топливе. Конечно же, по дороге из Москвы в Минск нет никакой нужды задерживаться в Смоленске! Радиус действия у зеленого фургона — восемьсот километров, а у «бензинки» — вдвое меньше.

Однако недоверие до конца не поколеблено. Забираемся в кабину. Демидов, улыбаясь, нажимает на стартер. Мы не успели удобно расположиться, как зарокотал двигатель. Голос у него несколько отличный от обычного мотора: густой, басистый.

Дальше все происходит как обычно. Отпускается педаль сцепления, и мы мягко трогаемся с места. Ничего не прибавлено и не

убавлено. Демидов подтверждает: кто знает «ЗИЛ», сразу сядет за руль и поедет. Кроме двигателя, все, включая приборы, от серийного «ЗИЛа».

Просим остановить машину. Все-таки где-то в глубине подсознания копошится консервативное чувство недоверия: неужели так легок запуск двигателя? Демидов тормозит, останавливается, глушит двигатель, нажимает кнопку стартера, и дизель снова оживает. Смеясь, вероятно, в душе над нашим недоверием, он проделывает еще и еще раз эту процедуру, то глушит, то запускает двигатель, и каждый раз он заводится с первого оборота коленчатого вала.

Оставляем позади Лихоборы и выезжаем на «густо заселенное» автомобилями Ленинградское шоссе.

— Тут не разгонишься, — с сожалением говорит Демидов.

Видим, что ему приходится умерять ход. Поток транспорта течет со скоростью тридцати — сорока километров в час, а наш фургон привык бегать вдвое быстрее.

При подъеме на мост через канал имени Москвы «бензинки» переходят на низшую, более сильную передачу. У нас в кабине тихо. Берем подъем на пятой скорости. Дизель рокочет ровно, без натуги.

У Химок разворачиваемся, идем обратно. Демидов снова часто тормозит, сдерживая, точно наездник горячего рысака, свою машину. В резвости автомобиля есть задорное ощущение силы и превосходства над другими, идущими в одном строю автомобилями. Есть, оказывается, в этой ретивости и свои неудобства.

— Увлечешься, — говорит Демидов, — добавишь обороты, — чу! — орудовец заливается, свистит. За превышение скорости — нотация, а за обгон, бывает, и талон проколет. Штраф за лихачество. Всяко случается... А вообще, двигатель что надо. Можно сказать, наш любимец.

Любимец... То же самое говорят водители Сергей Иванович Соловьев, Николай Васильевич Новожилов, Николай Иванович Тимофеев и инженер Кузнецов Всеволод Евграфович.

Мы сидим тесным кружком в небольшой комнате одного из корпусов Научного автомоторного института — НАМИ, — что в Лихоборах. Вспоминаются истории и случаи из дальних и близких поездок на зеленом фургоне. Наездили, слава богу, сто пять тысяч километров, есть что рассказать.

В рассказах много смешного и обидного, но общий вывод таков: для водителя «ДБ» — благодать. Грузовик с «ДБ» быстроходен и надежен, не подведет на трудной дороге. Никто ни разу не выручал. Наоборот, других выручали — вытаскивали из кюветов, ям и трясин. Сколько наездили — и ни одной поломки, никакого ремонта. Надо что проверить — легко подступиться к любому агрегату. Не перегревается, не кипит. Подъемы берет, как тренированный альпинист. Взбирались на гору Ахун, близ Сочи, на Ай-Петри, в Крыму. «Бензинки» пар пускают, а «ДБ-64» везет и везет без останова. Заводится легко в жару и зимой, в холод, не боится ни высоких, ни низких внешних температур. Приемистость — набор скорости, — можно сказать, отличная. Километр с места — семьдесят пять секунд, почти на десять секунд быстрее, чем «ЗИЛ» с бензиновым двигателем.

В заключение кто-то из собеседников роняет:

— Даже противники наши признают...

Противники? Да, есть и противники у нового дизеля. Перед тем как говорить о них, расскажем, откуда взялся новый, быстроходный дизель.

3. Их целая семья

В конце войны в одном из пустых цехов эвакуированного на восток Мытищинского машиностроительного завода появилось странное здание. Странное потому, что его построили под крышей. Дом в доме.

Состояло здание из нескольких комнаток и четырех боксов — помещений, где ладились и опробовались с виду обычные двигатели. Сначала на стенды крепили одноцилиндровые отсеки двигателей. Их запускали, выслушивали, измеряли температуру нагрева, контролировали расход горючего, разбирали, придирчиво осматривали поршни, шатуны, шейки вала, цилиндры, камеры сгорания; опять собирали и запускали, уменьшали и увеличивали обороты, снова разбирали и чертили какие-то кривые на разграфленной в клетку бумаге... И так в течение многих недель и месяцев маленький коллектив специалистов по двигателям внутреннего сгорания проводил эксперименты, приближаясь шаг за шагом к цели.

Коллектив назывался: особое конструкторское бюро профессора Николая Романовича Брилинга. Его цель — создание быстроходного, экономичного дизеля. В документах будущая машина именовалась не только быстроходной, но и короткоходной. В этом последнем слове формулировалась главная техническая идея, которая практически разрабатывалась и проверялась на стендах маленьких боксов в пустовавшем цехе.

Проследим за ходом рассуждений автора конструкторского замысла профессора Николая Романовича Брилинга, ныне члена-корреспондента Академии наук СССР. Его отправная мысль заключается в следующем: развитие техники идет по пути достижения наибольшего полезного эффекта при наименьших затратах материалов и времени. Какое выражение получает эта общая тенденция технического прогресса применительно к двигателям внутреннего сгорания? Очевидно, получение наибольшей мощности при высоких оборотах вала с наименьшим расходом металла и топлива. Но что такое повышение оборотов, как не учащение хода поршня, не возрастание скорости его движения? Но чем выше обороты, тем сильнее износ металла. Где выход из этого противоречия? Очевидно, надо уменьшить расстояние, проходимое поршнем в цилиндре от верхней к нижней точкам, укоротить его ход. Этого мало. Чтобы сохранить рабочий объем цилиндра, необходимо увеличить его диаметр, иначе говоря, изменить соотношение между длиной хода поршня и диаметром цилиндра. В обычных двигателях ход поршня по отношению к диаметру больше единицы, а здесь будет меньше.

Такова разница между длинноходным и короткоходным двигателями.

После длительных испытаний одноцилиндровых отсеков конструкторы приступили к созданию четырехцилиндрового дизеля. Возник «ДБ-4» — прародитель целой семьи, или, как говорят моторостроители, семейства, короткоходных дизелей.

Спустя некоторое время, в 1948 году, конструкторы покинули Мытищи и переселились в Лихоборы, в корпуса Научного автомоторного института — НАМИ. Началось опробование вариантов построенного в Мытищах дизеля. Один из них — «ДБ-43», третий вариант, установленный на шасси «Урал-ЗИСа», — показал себя неплохим работягой и в свое время заслужил лестный отзыв академика Е. А. Чудакова.

С лета 1948 года инженеры, механики и слесари-водители конструкторского бюро Н. Р. Брилинга, помимо четырехцилиндровых, построили шестицилиндровые дизели двух типов — «ДБ-64» и «ДБ-67».

Создали, построили? Почему же заводы их не производят? Почему же грузовые «ЗИЛы» ходят на бензине — пережигают дорогое топливо? Почему свой зеленый фургон водитель Демидов называет единственной в мире «машинкой»?

4. Долгий путь

Мы перечислили преимущества «ДБ-64» по сравнению с бензиновыми двигателями и очень мало сказали об одном из важных преимуществ — экономичности. Мы упустили такой факт: поездка от Лихобороз до Химок обошлась нам по крайней мере вдвое дешевле, чем на бензиновом двигателе.

Напомним основную тенденцию развития техники: при меньших затратах материалов и времени — наиболее полезный эффект! Из того, что сказано о «ДБ-64», видно: этот короткоходный дизель отвечает требованиям технического прогресса. Но, может быть, это никому не известно? Известно. Еще в 1953 году испытания показали, что динамические качества грузового автомобиля с «ДБ», его экономичность выше, чем с бензиновым, эксплуатационные достоинства — также. В сентябре 1954 года коллегия бывшего министерства автотракторной промышленности признала короткоходный дизель технически прогрессивным, одобрила работу конструкторского бюро Н. Р. Брилинга и решила изготовить опытную партию «ДБ». Сменилось, однако, три министра, перестало существовать само министерство, между тем опытной партии короткоходных дизелей нет.

А представим такую картину. Коллегия министерства постановила, директора заводов ухватились за новинку, опытная партия прошла всесторонние испытания, и с конвейеров пошли один за одним «ДБ-43», «ДБ-64», «ДБ-67». А потом на грузовиках «ЗИЛ-150 и 151», на «Урал-ЗИСах», на «ЯАЗах» и «МАЗах» сменили двигатели. Сколько бензина и средств сэкономлено?! Как довольны шоферы на целине, на лесозаготовках, на стройках, в геологических партиях! Ведь именно там больше всего нужна такая экономичная, безотказная машина! Да всюду нужна, раз она лучше других!

Ведь могло быть так! За три года, прошедших после заседания коллегии, многое можно было бы сделать. И, может быть, давным-давно закончились бы споры... Какие споры? Разве кто-нибудь оспаривает достоинства короткоходных дизелей?

— И не особенно рьяно оспаривают и не признают, — сказали нам в одном из боксов, где стоит «ДБ-67».

Значит, есть все-таки споры? Да, есть! Даже в недрах самого НАМИ. Одновременно с «ДБ-64» и «ДБ-67» в институте под руководством Андрея Александровича Липгарта, главного конструктора, построен дизель «НАМИ-019». Длинноходный, а не короткоходный.

Творческое соревнование? Очень хорошо! Мы привыкли, что соревнующиеся подводят итоги. Таким подведением итогов послужили сравнительные испытания. Они состоялись. Не будем говорить о волнениях, беспокойстве, томительном ожидании результатов. Их было достаточно и у одной и у другой стороны. Скажем просто: победителем вышел «ДБ-67». Он оказался более экономичным (на 15—20 процентов меньше горючего), более легким в запуске, чем «НАМИ-019». Это признали сотрудники института, сторонники «НАМИ-019», такие квалифицированные специалисты, как С. Борисов, Н. Томилин и Е. Платонов. Это записано в отчете института.

Но... спор продолжается. Противники «ДБ» говорят: «У короткоходного дизеля сборный коленчатый вал». Правильно. На каждый цилиндр — отдельная секция вала. Им отвечают: «Чем же это плохо? Доказано, что изнашиваемость сборного вала меньше, чем кованого. Он переживает и двигатель и всю машину. Его легко ремонтировать. Такой вал применяется на дизелях «Татра».

Противники «ДБ» утверждают: «У вас по четыре клапана на каждый цилиндр, а нам кажется, что лучше два, а не четыре». Им отвечают: «Но вы видите: двигатель работает при четырех клапанах и превосходит по своим данным своих соперников».

Тогда противники пускают в ход сильный козырь: «У вас усложненная конструкция, двигатель труден для производства, дорого обойдется». И на этот сильный ход есть ответ. Более простой конструкции пока еще нет. Затем — не всякое усложнение порочно.

Кто же прав? Нельзя ли этот затянувшийся спор закончить? Не слишком ли долгий путь совершает короткоходный дизель от своего рождения до практического применения в хозяйстве? Кто разрешит спор? Может быть, Госплан и Московский совнархоз? У них есть все основания и данные сказать свое веское слово и сдвинуть дело с мертвой точки.

От редакции. Печатая этот очерк, редакция «Огонька» приглашает специалистов автомобилестроения и моторостроения, и в первую очередь работников НАМИ, высказать свою точку зрения по затронутому вопросу.

Дэн Яо-пинь. ГОРА УЧЖИ.

Молодые художники Китая

Художники Китая на протяжении веков посвящали свои произведения изображению птиц, цветов, рыб, креветок. Делали это они с неподражаемым мастерством. Древняя запись, в которой упоминается имя известного художника Танской династии Бянь Луаня, гласит: «Он исчерпал все формы в изображении птиц и ограбил красоту цветов».

В последние десятилетия китайские живописцы увидели не только богатства природы, но и человека, преобразующего ее. Такие мастера, как Цзян Чжао-хэ и его последователи, оставаясь верными старой технике работы кистью, поставили в центр своего внимания жизнь людей, их социальное положение, борьбу со старым, отживающим миром.

Пекинский художественный институт основан почти сорок лет назад. Но прошло лишь несколько лет, как он стал высшим учебным заведением, готовящим художников-профессионалов. В нем обучаются двести человек, главным образом дети рабочих и крестьян. Не удивительно, что в их произведениях с любовью отражаются черты новой, свободной жизни.

В дни VI Всемирного фестиваля мы любовались на Международной выставке изобразительного искусства произведениями молодых талантливых китайских художников, написанными цветной тушью в традиционном стиле национальной живописи.

Большое впечатление оставляет воспроизведенная здесь работа Хуан Чжоу — «Метель в Цайдамской впадине». Этот живописец, свободно владеющий кистью, обратил на себя внимание работами, в которых он показал хорошо знакомую ему жизнь степных народов. Разместившаяся в тибетской юрте школа, в которой учатся и старики и дети, девушка-врач, скачущая на коне к больному, народные игры — вот что показывают картины Хуан Чжоу.

«Метель» написана лаконично, в мягкой гамме. Высоко подняв головы, верблюды с трудом передвигают ноги, а всадники смеются, не замечая ни хлопьев снега, ни ветра, ни стужи. Это молодые геологи молодой страны. Радостное настроение, душевная приподнятость героев настолько убедительны, что заражают и зрителей.

Новым в китайской национальной живописи является обращение художников к быту.

Вот «За учебой. (Чтение ночью)» Юй Юэ-чуаня. Ребенок уснул, в сторону отложена корзина с шитьем и большими ножницами, на столе горит лампа с бумажным самодельным абажуром, раскрыта книга. Трудовой день окончен, и молодая китаянка садится за книгу.

Посвящена быту и картина Яо Ю-синя «Интересная передача».

В картине Дэн Яо-пиня «Гора Учжи» ничего не стилизовано: именно такие кроны встречаются в южных горных районах Китая. Стволы вековых деревьев, сломанных ветрами и дождями. Дикий горный пейзаж. Вдали сверкает водопад. Еще недавно только птицы реяли здесь над пропастью. Но в горную глушь пришел человек, проложил дорогу, поставил путевые столбы, и вдали по шоссе уже спускаются автомобили.

Контрасты старого и нового художник выразил не только в теме, но и в красках. Его кисть смело сочетала темные, угрюмые тона первого плана картины с прозрачными, светлыми красками неба и горной дали.

М. МЕРЖАНОВ

Яо Ю-синь. ИНТЕРЕСНАЯ ПЕРЕДАЧА

НАМ НУЖЕН *атакующий* СТИЛЬ

Николай ОЗЕРОВ,
заслуженный мастер спорта

В последнее время мне пришлось наблюдать два крупных международных теннисных турнира: один — в пригороде Лондона — Уимблдоне, а второй — в Москве, в дни III Международных дружеских игр.

В первом из них участвовали сильнейшие теннисисты. Он, по существу, является неофициальным розыгрышем личного первенства мира. Во всяком случае, победители Уимблдонского турнира не без оснований считаются первыми ракетками.

В Уимблдонском соревновании советские спортсмены не принимали участия. Мы ездили в Англию в качестве туристов, которые, естественно, внимательно наблюдали за всеми встречами турнира.

В эти летние дни все в Лондоне стремились в Уимблдон. Теннисный стадион вмещает 30 тысяч зрителей. Во все дни соревнований он был переполнен. Билеты достать не было возможности. Их продают за год вперед.

Нас поразил этот необыкновенный интерес к теннису. Тысячные толпы, не попавшие на стадион, с напряжением следили за ходом игры по демонстрационным электрическим щитам. Счет на них меняется после каждого мяча. Криками и аплодисментами заочные болельщики подбадривали талантливых спортсменов.

За ходом состязаний следили не только зрители Уимблдона, но и вся Англия. Игры на всех 16 площадках передавались непрерывно по телевидению. Десять раз в день транслировался специальный радиовыпуск из Уимблдона. Газеты Англии на первых страницах печатали подробные отчеты об этом интереснейшем соревновании.

Все это свидетельствует о большом интересе англичан к теннису. Состязания на Уимблдонском турнире отличались большим напряжением. Состав участников был на редкость ровный. Класс теннисистов очень высок. Иногда только одна выигранная подача мяча решала исход матча.

В Уимблдоне игра ведется на травяных кортах. Это коренным образом меняет всю манеру и тактику игры в теннис. На наших песчаных площадках легче берутся сильно посланные мячи, труднее «убиваются» они с лету.

На подстриженном травяном покрове английских кортов мяч скользит лучше, при сильных ударах он делается неотразимым. Это вынуждает теннисистов играть смело, стремительно, в атакующем, агрессивном стиле. В Уимблдоне я не видел ни одного оборонительного матча. Все игры велись в ошеломляющем темпе, с чередующимися выходами к сетке.

Известные советским зрителям мастера ракетки — чемпион Чехословакии И. Яворски, чемпион Польши Сконецкий и даже Ярослав Дробный не могли противопоставить свою технику и тактику песчаного корта мощным атакам теннисистов западных стран и выбыли из турнира в самом его начале (соревнования ведутся по олимпийской системе).

Красивую, стильную игру в Уимблдоне показали австралийцы. Особое впечатление на нас произвел чемпион турнира австралиец Хоад, который обладает виртуозной техникой и великолепной реакцией. Очень сильным мастером ракетки зарекомендовал себя финалист Купер.

Разнообразную плассированную игру показал чилиец Айяла. Но особенно поразил нас в Уимблдоне стиль теннисисток. Он почти ничем не отличается от игры мужчин: резкая, мощная подача, непрерывная атака с выходами к сетке и завершающим ударом с воздуха. Наиболее яркими представительницами этого стиля являются американки Д. Хард и А. Гибсон. Негритянка А. Гибсон уверенно выиграла первенство.

Теннис, как ни один вид спорта, требует высокой моральной подготовки, крепкой нервной системы. Единоборство теннисистов длится иногда по нескольку часов. Выигрывает часто тот, у кого крепче нервы и тверже воля. В Уимблдоне мы наблюдали, как некоторые игроки не владели своими нервами: они разговаривали со зрителями, ругались, спорили с судьями. Однако судьи к этому относились равнодушно, казалось, это не мешало им выполнять свои обязанности.

После финальной игры и торжественной церемонии королева Англии Елизавета вручила призы победителям Уимблдонского турнира. Не обошлось без происшествия: на теннисную площадку вышла какая-то женщина с плакатом, на котором было написано обращение к английской королеве с требованием снизить налоги. Полицейские быстро увели эту женщину.

Едва затих звон ракеток Уимблдонского турнира, как уже замелькали белые пушистые мячи в нашем новом теннисном городке, на Стадионе имени В. И. Ленина. Это начался международный турнир III дружеских игр. В нем собрались отличные мастера не только европейских стран, но и Австралии, Китая, Индии, Кубы, Венесуэлы. Для нас, советских спортсменов, это был первый серьезный экзамен. И как ни печально в этом сознаться, но мы это испытание не выдержали.

Лучшие наши мастера — чемпионы Советского Союза С. Андреев, Л. Преображенская, М. Емельянова, В. Филиппова, В. Анисимов — потерпели поражение. Ни один из советских теннисистов в одиночном разряде не дошел даже до полуфинала.

Мне, наблюдавшему за этими состязаниями, бросилось в глаза отличие нашего стиля от стиля многих зарубежных теннисистов, выступавших на этих же кортах. Вспомнился, конечно, и Уимблдонский турнир.

Мы по-прежнему стараемся играть у задней линии, длинными посылами мяча, спокойной «перекидкой». Эта пассивная манера рассчитана не столько на желание вести наступление и выиграть очко, сколько на ожидание промаха соперника и проигрыша им очка. Игра скучная, неспортивная.

Современный теннис — и на травяных и на песчаных площадках — стал теннисом активного наступления. Наступление начинается с первого мяча подачи или с контрнаступления в момент приема мяча. Вся игра ведется на середине площадки и у сетки и богата разнообразными приемами.

Старая тактика игры на задней линии еще раз показала свою несостоятельность. Это одна из причин низких результатов наших теннисистов. Однако не единственная. Очень большую роль в повышении класса игры имеют постоянные встречи с сильнейшими зарубежными мастерами. Такие матчи приучат наших теннисистов к разнообразной манере игры, будут развивать в них способности, помогут перенимать все самое передовое и совершенное в технике.

Нужно смелее выпускать наших теннисистов на международную спортивную арену, как мы это делаем в других видах спорта. Пора нам участвовать в Уимблдонском турнире, а также в командном первенстве мира, в котором разыгрывается кубок Дэвиса, не нужно бояться проигрышей, ибо недаром говорится: поражение — мать успехов.

Теннис — один из труднейших видов спорта. Для того, чтобы добиться в нем мастерства, требуются систематические занятия в течение нескольких лет под наблюдением квалифицированного тренера. А хороших тренеров у нас мало. Поэтому молодых теннисистов готовят случайные люди. Двадцать лет назад в Москву для занятий с молодыми спортсменами был приглашен бывший чемпион мира, известный французский теннисист Анри Коше. Была создана юношеская школа, которой в течение двух летних сезонов руководил знаменитый спортсмен.

Результат был самый положительный. Советский теннис приобрел сразу большую группу молодых мастеров, которые были обучены новым приемам игры, в частности тактике активного наступления. Среди них были Я. Белиц-Гейман, Е. Корбут, З. Зигмунд, М. Корчагин и другие.

Может быть, и сейчас имеет смысл повторить этот опыт с приглашением тренера-теннисиста мирового класса?

Ко всему этому следует сказать о малом количестве теннисных кортов, о плохом их содержании, об инвентаре низкого качества. Это в первую очередь касается мячей. У них пониженный подскок и нестандартный вес, что мешает правильной постановке удара, точности полета мяча.

В заключение необходимо отметить плохую организацию соревнований, а также плохое судейство. Это особенно было заметно в дни проведения теннисного турнира на III Международных играх.

У нас сейчас подрастает способная молодежь. Нужно, чтобы она попала в хорошие тренерские руки, чтобы ей было где играть хорошими ракетками и хорошими мячами, чтобы она встречалась со спортсменами других стран.

И. Яворски берет трудный мяч.
Фото А. Бочинина.

В РОДИЛЬНОМ ДОМЕ *и вокруг*

Нина ГОНЧАРЕНКО, Римма ЛИХАЧ

В Москве ежедневно появляется на свет несколько сотен новых граждан. Прежде чем попасть к любящим, но часто еще несведущим в воспитании родителям, они попадают в заботливые руки врачей и медсестер родильного дома. Мы побывали в Щербаковском районе, в родильном доме № 12, расположенном вдали от шумных центральных улиц.

←
Очень трудно было расстаться с женой, которая только что вошла в дверь с пугающей надписью: «Прием рожениц».

И, конечно, просто невозможно теперь уйти отсюда. Малоопытный будущий отец решает, не сходя с места, дождаться результатов.

Приемная. В ожидании ответа от жены юный отец углубленно изучает фотовитрину, проходя самодеятельные курсы по уходу за новорожденным. Но отнюдь не все посетители ведут себя так спокойно. Большинство новоявленных отцов, игнорируя отчаянные просьбы жен не присылать так много продуктов, бурно требуют, чтобы в палату срочно передали целую гору вкусных вещей и среди них явно запрещенный шоколад.

Что там за дверью?

Пошли обедать!

Детскую каждое утро посещает врач. Матерей в эти дни беспокоит в основном одно: ребенок за сутки поправился на шестьдесят граммов, не мало ли? Доктор же исследует деятельность маленького организма придирчиво и скрупулезно.

Малышей интересует только сон и еда. У взрослых даже здесь запросы, естественно, гораздо шире. Больше всего тут ждут писем, хоть их и приносят несколько раз в день. Особенно приятно, когда к запискам присоединяются цветы, как случилось сегодня у Нины Николаевны Кузнецовой.

До поздней ночи не покидают родильного дома заботливые отцы. Наиболее дотошные пользуются биноклями: направляют их на окна заветной палаты. А иные, несмотря на строгое запрещение, действуют примитивным способом: взбираются на забор и, не щадя легких, взывают на высоту четвертого этажа:
— Надь, а Надь, ты не волнуйся, что он спит много! Захочет есть, проснется. Что? Даже когда ест не просыпается? Так это же очень хорошо, значит, спокойный будет, в меня!

Любит молодежь слушать рассказы А. В. Шишариной-Угловой.

Читая старые афиши

Пожелтевшие от времени афиши, на которых бросаются в глаза непривычные яти и твердые знаки. Даты — конец прошлого и начало нынешнего века. Одна из афиш сообщает: «Нижне-Салдинский завод. С дозволения начальства любителями будет дан спектакль в пользу ученических елок. Поставлена будет большая комедия А. Н. Островского «Бедность не порок».

Десятки таких старых афиш бережно хранятся в клубе Нижне-Салдинского завода. Они свидетели интересного пути, который прошел один из старейших в стране любительских театров. Театр этот возник в 1882 году на старом уральском заводе. В нынешнем году общественность металлургического завода отметила своеобразный юбилей — 75-летие работы своего самодеятельного театрального коллектива.

...В центре города чуть ли не целый квартал занимает здание клуба имени Ленина. Здесь мы встретились со старейшими участницами заводской самодеятельности — пенсионерками Капитолиной Павловной Исуниной и Анной Васильевной Шишариной-Угловой. Сорок пять лет тому назад, в 1912 году, они впервые выступили на подмостках сцены заводского рабочего театра и с тех пор активно участвуют в его жизни.

Когда возник этот драматический кружок, помещения у него не было. Спектакли ставили на квартирах, играли отрывки из пьес Гоголя, Островского. Даже самая просторная горница не могла вместить зрителей.

Но вот поставили новую тогда пьесу Горького «На дне». Роль Сатина исполнял рабочий бессемеровского цеха А. Ф. Богачев. Постановка имела успех и решила судьбу кружка. Ему разрешили играть спектакли на чердаке заводоуправления, а впоследствии дали более просторное помещение — бывшую заводскую конюшню. Коллектив с успехом поставил «Женитьбу» Гоголя, «Позднюю любовь», «На бойком месте», «Не в свои сани не садись» А. Н. Островского, чеховского «Медведя». Многие из этих пьес и поныне находятся в репертуаре театрального коллектива.

— Я играла тогда Аннушку в пьесе «Бедность не порок», а в постановке «На бойком месте» — Евгению. Анна Васильевна исполняла Катерину в «Грозе», Кручинину — в «Без вины виноватые», — рассказывает К. П. Исунина.— Много хлопот было перед каждым спектаклем: накануне обходили дома, собирали мебель, одежду, посуду. Театр у нас любили, и рабочие семьи охотно предлагали все нужное.

Анна Васильевна Углова рассматривает старые афиши, перечитывает фамилии участников спектаклей и вспоминает:

— Надя Шорина? Помню, она прекрасно исполняла роль купеческой дочери в «Женитьбе». Теперь она у нас в городе знатный человек — заслуженная учительница. Зоя Распопова уже на пенсии, участница гражданской войны, член партии с 1918 года... А вот видите среди исполнителей фамилию — С. А. Головченко. О жизни этого человека книгу написать можно. Поступил он на наш завод котельщиком и сразу включился в драматический кружок. Выступал, правда, только в эпизодических ролях. И часто бывало так: идет пьеса, а Головченко с небольшой группой зрителей запрется в маленькой комнатушке — о чем-то совещаются. А потом на заводе листовки появляются против царя и войны.

Но вот грянул 1917 год. На общезаводском митинге предоставляют слово от большевиков какому-то Волкову Ивану Ивановичу. До сих пор на заводе мы о таком не слышали. Глянула, а вместо незнакомого Волкова выступает наш Сафрон Алексеевич Головченко. Он, оказывается, большевиком был, под чужой фамилией жил, а наш кружок использовал как одну из подпольных явок. Имя Волкова сейчас носит одна из улиц нашего города.

Нам показали портрет одного из первых организаторов комсомола Нижней Салды, Никанора Ивановича Ермилова — активного участника заводской художественной самодеятельности в 20-х годах. Старожилы кружка до сих пор помнят, как хорошо были оформлены спектакли этим художником-самородком. Теперь Н. И. Ермилов — полковник в отставке, живет в Саранске.

Помнят здесь и шустрого паренька Толю Захарова, непременного участника клубных постановок. Теперь Анатолий Федорович Захаров — директор одного из крупнейших на Урале металлургических комбинатов — Нижне-Тагильского.

...Вечерами сияет огнями клуб имени Ленина. Большие щиты, установленные у его стен, возвещают:

«Сегодня в малом зале музыкальный лекторий. Тема — «Итальянская опера».

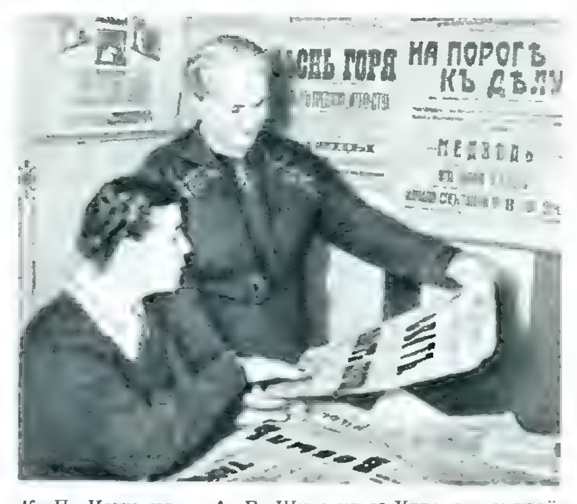
«В спортивном зале — волейбол: встречаются заводские команды прокатки и электростанции».

«Завтра молодежный вечер. Будут выступать самодеятельные коллективы».

В клубной самодеятельности участвует ныне более четырехсот человек. Растет и заводской драматический коллектив, начало которому было положено 75 лет назад. Его спектакли пользуются большой популярностью.

А. ГРИГОРЬЕВ

г. Нижняя Салда.

К. П. Исунина и А. В. Шишарина-Углова — старейшие участницы заводского театрального коллектива

Фото И. Тюфякова.

Алжирские патриоты продолжают борьбу за свободу родины. На верхнем снимке: отряд новобранцев национальной освободительной армии на учениях в горах Атлас, слева: алжирские офицеры составляют план операции-рейда в расположение колонизаторских соединений.

Необычайный случай в рыболовной практике. Англичанка Бетти Иторн из Девона, член клуба охотников за акулами, выловила стодвадцатикилограммовую акулу на спиннинг. Схватка женщины-рыболова с морским чудовищем продолжалась почти полтора часа.

Прогрессивное человечество похоронило фашизм в битвах второй мировой войны. Но вот опять извлекаются на свет его ненавистные народам останки. С разрешения итальянского правительства в деревне Предаппьо, на родине Муссолини, состоялась панихида над гробом бывшего главаря фашистов. Был выстроен эскорт чернорубашечников. И — как видно на этом снимке — приверженцы дуче салютовали праху «вождя» традиционным фашистским приветствием, клянясь возродить его человеконенавистнические идеи. Ящик, заключающий труп Муссолини, хранился в церкви Черро Маджиоре с надписью «Провинциальные документы». И вот действительные фотографические документы свидетельствуют о попытке возрождения фашизма в Италии.

Человек, которого поднимают товарищи на борт английского торгового судна «Бритиш Монарк», — моряк Дуглас Уордкоп. Во время ночной вахты он упал за борт и провел в Тихом океане свыше восьми часов, пока на судне не было обнаружено его отсутствие. Корабль вернулся за моряком.

Улыбающийся господин, изображенный в центре этого снимка,— американский археолог Чарльз Артур Мюзис. Подобно многим своим американским коллегам, награбившим не мало национальных богатств в различных странах, Мюзис пытался вывезти из Египта сокровища, найденные при раскопках пирамиды Дашур, за что и был привлечен египтянами к суду.

Фильмы двух стран

И. ВЕРШИНИНА

В перерыве между съемками фильма «Удивительное воскресенье»... За отсутствием мороженого приходится пить молоко. Слева Володя Силуянов, справа Томаш Седлачек. Фото О. Кнорринга.

С каждым днем увеличиваются культурные связи Советского Союза с другими странами. Многие зарубежные фирмы, режиссеры, актеры, продюсеры предлагают советским кинематографистам сотрудничество.

Подписано соглашение с греческой фирмой о совместной постановке «Илиады» по Гомеру (сценарий и постановка народного артиста СССР Н. Охлопкова).

С французскими кинематографистами намечается работа по целому ряду фильмов: о совместных боевых действиях в период Великой Отечественной войны советских летчиков и французских — из эскадрильи «Нормандия — Неман»; о дружбе молодежи этих стран; возможно и создание фильма «Дубровский».

Есть договоренность с албанскими кинематографистами о создании фильма, посвященного национально-освободительному движению албанского народа в 1941—1944 годах. Снимать фильм будет режиссер Г. Чухрай (постановщик фильма «Сорок первый»). Предполагается сотрудничество с двумя египетскими фирмами, с голландской.

Киевская киностудия вместе с венгерскими кинематографистами работает над «Карпатской рапсодией» по роману Бела Иллеша; она же должна вместе с кинематографистами Чехословакии начать съемки фильма по роману Иржи Марека «Люди идут во тьме». Советские кинаработники оказывают творческую и техническую помощь финским кинематографистам в съемках цветных фильмов. Наши актеры В. Емельянов, В. Авдюшко и Р. Шорохова снимаются на киностудии Дефа (ГДР); ленинградский драматург Борис Чирсков выехал в Чехословакию для работы над сценарием о Юлиусе Фучике...

На киностудиях документальных, научно-популярных фильмов — всюду мы видим активное творческое сотрудничество кинематографистов разных стран.

Мы расскажем о ряде фильмов, съемки которых сейчас в самом разгаре...

Друзья

Сценарий нового фильма пришелся Томашу по нраву.

Еще бы! Какого восьмилетнего мальчика могут оставить равнодушным веселые приключения его сверстника на фестивале? Ну, а если этим приключениям еще предшествует полет в Советский Союз на самолете, да не на простом самолете, а на «ТУ-104»? Тут, пожалуй, каждый сказал бы, что авторы решили показать в своем фильме самого счастливого мальчика. Для Томаша Седлачека это было бесспорно. А когда режиссер Ченек Дуба сказал, что на роль Пепичека — героя фильма «Удивительное воскресенье» — утвержден он, «актер» чуть не запрыгал от восторга.

Но потом, уже умудренный «кинематографическим опытом» (Томаш снимался до того в главной роли в чехословацком фильме «Вратарь с нашей улицы»), загрустил, представив себе, как выстроят в павильоне декорации кабины самолета, а позже на этом же месте будет создана «фестивальная Москва». Словом, веселое путешествие Пепичека в Советский Союз он будет «совершать», не выезжая из Праги, не выходя из Барандовской киностудии.

Но сложилось иначе.

Прошло несколько месяцев...

И теперь уже каждое письмо Томаша из Москвы его другу и соседу по парте Яну Горничеку читал весь 2-й класс с тем же восторгом, как когда-то Томаш — сценарий фильма.

Томаш писал о своем полете на «ТУ-104», о фестивале, о Москве, о купленных новых игрушках, о метро и о... мороженом, которое здесь особенно вкусное. «...Я ем его каждую свободную от съемок минуту, — писал он, — а вот у моего товарища московского школьника Володи Силуянова такая роль, что ему надо есть мороженое даже во время съемок... Мы с Володей друзья...»

Да, они стали друзьями вскоре после знакомства, еще тогда, когда Томаш знал по-русски всего три слова: «здравствуйте», «мороженое» и «спасибо», — а Володя по-чешски мог произнести только одно приветствие. Впрочем, запас слов каждого ежедневно пополнялся. Вскоре между ребятами установилось полное взаимопонимание.

Исключением был один эпизод. Володя, узнав, что у Томаша по всем предметам единицы, решил повлиять на младшего друга, который с каждым днем ему нравился все больше. Он предлагал помощь, урезонивал, доказывал, стыдил, а Томаш смеялся, отказывался, удивлялся. Вмешались взрослые и объяснили, что в чехословацких школах единица — самый большой балл, так что Томаш, как и Володя, тоже отличник...

Съемки фильма «Удивительное воскресенье», который снимают чехословацкие и советские кинематографисты, в Москве закончились, теперь группа, в том числе и Володя Силуянов, едет в Прагу... А затем, затем... друзья расстанутся. Но дружба, рожденная во время этих совместных съемок, останется.

— Ты, ты мне писать, — говорит Томаш, слегка толкая друга кулаком в плечо. И после паузы, очевидно, понадобившейся для нахождения подходящего слова, добавляет, тщательно артикулируя: — Всегда.

— Я-то буду, — чуть улыбаясь, отвечает Володя и обнимает друга за плечо. — Я-то буду, а вот ты не ленись.

— Всегда, — повторяет Томаш и приподымает указательный палец, то ли шутливо грозя другу, то ли давая клятву верности.

Герой двух народов

...Это было еще зимой. Диктор Всесоюзного радио сообщил, что всех товарищей, знавших Олеко Дундича, просят обратиться на киностудию имени Горького.

На призыв этот откликнулись многие. Письма, телеграммы, телефонные звонки, посещения... Легендарного героя в Советском Союзе помнили, знали и любили. Поэтому первый художественный фильм, который совместно создается советскими кинематографистами и белградской киностудией «Авалафильм», не только по форме, но и по существу совместная постановка. Дундичем равно гордятся и русские его соратники — товарищи по 1-й Конной Армии — и сербы. Недаром в небольшом советском городке Ровно в музее целый раздел посвящен сербу Олеко Дундичу, а в Белграде клуб носит его имя.

Фильм об этом герое, которого помнят и славят два народа, ставит режиссер Леонид Луков, сценарий написали Л. Луков, югославский писатель Антоний Исакович и М. Кац. В главной роли снимается артист Бранко Плеша, известный в Югославии, да и в ряде советских городов, где побывал недавно на гастролях Югославский драматический театр. Соратников Дундича — сербов — играют популярные югославские актеры, русских — советские.

В фильме снимаются Б. Ливанов, С. Лукьянов, Т. Пилецкая, Т. Конюхова и другие. Недавно группа в полном составе выехала для натурных съемок в Херсон. Перед этим более месяца проходили съемки в Югославии: под Белградом было выстроено русское село, снимались большие батальные сцены, в которых участвозало до 400 всадников из югославской кавалерии.

Съемки всегда собирали много народа — местные газеты часто писали о киноэкспедиции, о сценарии, о самом Дундиче. И сколько раз, глядя на то, как старательно постановщики пытаются воссоздать на экране бесстрашие, мужество, отвагу бойцов 1-й Конной Армии, жители этих мест вспоминали и свои совместные с советскими солдатами бои против фашистов во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов!

Оживают руны «Калевалы»

Каменный памятник на одной из площадей Хельсинки... Вдруг поднялся, ожил человек, склонившийся над каменной тетрадью, ударил по струнам кантеле старик. И затих городской шум, исчезли улицы, дома — кругом лишь мохнатые ели, стройные березки да спящие воды озер...

Так начинается цветной широкоэкранный фильм «Сампо», который ставят совместно киностудия «Мосфильм» и финская фирма «Суоми-фильми». Сценарий написан по мотивам карело-финского эпоса «Калевала». В основу его взята тема борьбы славных сынов земли Калевалы со злыми чародеями Похьелы — страны мрака и холода. Ставит фильм режиссер А. Птушко.

Как всегда в его картинах, в «Сампо» будет много чудес. Вот одно из них: стоит Айникки на поляне, взглянула на Лемминкейнена — и все вокруг запестрело распускающимися цветами: так на землю пришла любовь...

Декорации создал советский художник Л. Мильчин, эскизы костюмов — финская художница Ритва Карпио. Натурные съемки проходили в Финляндии, в заповеднике на острове Сур-Сари, и на севере страны — в Лапландии. Сейчас киногруппа у нас, в Крыму.

В фильме «Сампо» дебютирует выпускница таллинской театральной студии, 19-летняя Эви Киви. Она играет Айникки.

В фильме много дебютантов. Так, одну из центральных ролей — Лемминкейнена — играет участник художественной самодеятельности А. Ошинь.

Фильм на главную тему

Первый художественный фильм советско-корейского производства — о чем он должен рассказывать? Долго и мучительно думали над сюжетом предстоящего фильма сценаристы Ким Сын Гу, Се Ман Ир, Аркадий Первенцев и режиссер И. Лукинский. Наконец возникла тема, а когда возникла, удивились, как сразу не пришло это в голову.

Ну, конечно, мирные дни, ну, конечно, героический труд, восстановление страны и в центре — драматическая ситуация, затрагивающая многих жителей Кореи, ситуация, к которой не может спокойно относиться ни один честный человек: судьба одной из семей, разделенных 38-й параллелью. По одну сторону — в Северной Корее — мать и старший сын, по другую — в Южной — младший.

При выборе актеров для фильма «Рассвет на Востоке» постановщики сразу столкнулись с большой трудностью. В Корее киноискусство молодо, и старшего поколения артистов почти нет. После долгих проб уговорили известную корейскую балерину Цой Сын Хи исполнить роль матери, две другие большие женские роли играет ее дочь — талантливая балерина Ан Сон Хи. Братьев играют молодые артисты.

Выразительные средства корейского актерского искусства — жестикуляция, интонация — очень своеобразны, так же как нравы, обычаи, быт, манеры корейцев в жизни. Советским кинематографистам, не знавшим корейского языка, пришлось вплотную заняться изучением всего этого, чтоб не получилось ...«клюквы» и чтобы не навязать своим корейским коллегам европейских обычаев.

Пройдет еще несколько месяцев — и все эти фильмы выйдут на экраны, а за ними и другие, о которых мы упомянули лишь вскользь. Созданные в тесном содружестве кинематографистами разных стран, они, несомненно, будут утверждать дружбу разных народов, дружбу, про которую малолетний чешский артист сказал: «Навсегда!».

Вот они, братья,— герои фильма «Рассвет на Востоке». Их играют корейские артисты Син Се Мин и Пак Хак.

Стреляный петух

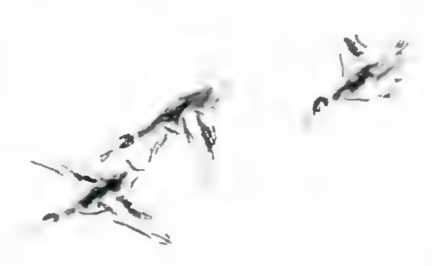
Охотничий рассказ

Евг. **ПОПОВКИН**

Рисунки **И. СЕМЕНОВА.**

Казанец очень любил сидеть в президиуме. И еще он любил ездить на охоту.

Компаньоны его по дальним и ближним поездкам утверждали, что Кузьма Ермолаевич Казанец не то что выдающийся, а прямотаки непревзойденный охотник.

А этими постоянными компаньонами были бодрые и расторопные подчиненные Казанца: завхоз Викентий Борзых и главбух с диковинной тройной фамилией Незевакин-Попов-Попов.

— С таким ружьецом, — судорожно двигая кадыком от восторга, говаривал Викентий Борзых, — да чтобы они, Кузьма Ермолаевич, не утерли всем носа?!. «Три кольца»!.. А песик какой у них!..

На лице завхоза появлялось нестерпимое сияние, как и всегда, впрочем, когда ему приходилось быть в обществе начальства.

Незевакин-Попов - Попов, если ему случалось присутствовать при таком разговоре, мычал что-то невнятное, но всей своей поджарой фигурой, устремленной в сторону начальника, давал понять, что целиком и полностью одобряет и талант Кузьмы Ермолаевича, и ружье «три кольца», и даже вислоухого песика.

По секрету заметим: ни Борзых, ни обладатель тройной фамилии охотничьей страстью никогда отягощены не были и в обманчивом охотничьем деле смыслили, яко телки малые.

Однако ни одна охотничья вылазка Кузьмы Ермолаевича без них не обходилась. Без них Казанец просто не испытал бы никакого удовольствия. **Может быть, пото**му, что никто, кроме завхоза и главбуха, не признавал за ним дара не только выдающегося, а и заурядного охотника. Ибо стрелял Казанец более чем плохо и даже в трезвом виде с трудом отличал кряку от чирка.

И еще по одной причине питал Кузьма Ермолаевич слабость к упомянутым двум героям нашего рассказа. Борзых обставлял каждый выезд с великолепием и пышностью, к тому же обладал способностью говорить только приятное.

В отличие от многословного и суетливого завхоза Незевакин-Попов-Попов был молчалив, зато умел так преданно глядеть в глаза, так вытягивал шею, словно боялся уронить слово, оброненное вышестоящим по служебной лестнице.

За все это Казанец любил их.

Он привык к фимиаму, источаемому его сподвижниками

по охоте, оберегал их и не замечал, что усилиями Борзых и Незевакина-Попова-Попова он сам, некогда скромный, чуждый чванству человек, постепенно уверовал в свою незаменимость, а подчиненных и посетителей стал представлять себе как людей второго, а то и третьего сорта и уж, во всяком случае, докучливых.

Когда Кузьму Ермолаевича звали еще попросту Кузей и он ходил в залатанных штанишках, бегал вместе с другими мальчишками на озеро ловить раков и карасей, сверстники любили его за товарищество и щедрость, а старшие — за учтивость и приветливость.

Таким был Кузьма Ермолаевич и первое время, став главой большого учреждения.

Борзых и Незевакин-Попов-Попов сделали свое дело. Теперь

Кузьма Ермолаевич принимал в кабинете, обставленном с той внушительностью и роскошью, какие, по замыслу завхоза и главбуха, должны были вызывать трепет в поджилках посетителей. Теперь Кузьма Ермолаевич не приглашал и сесть своих подчиненных, слушал их с пренебрежительным и томно-самодовольным выражением лица, не всегда помнил их фамилии, называл всех на «ты», хотя все величали его по имени-отчеству и сказать ему «ты» никто бы не отважился.

Все больше и больше заболевал Казанец злокачественной болезнью. И на приветствия перестал отвечать. И уж если совершал поездки по вверенной ему епархии, то и в поездках ощущал потребность видеть у подчиненных трепет в поджилках.

В гостиницах останавливался Казанец в раз и навсегда облюбованном Борзых для него номере. Горе было тому, кто в это время непредусмотрительно здесь проживал! Несчастливца безоговорочно выдворяли, затем принимались скрести, мыть, чистить, и номер начинал сиять так же, как сияло блистающее довольством лицо Борзых.

И вот какой случай произошел недавно на охоте с Кузьмой Ермолаевичем.

Накануне Викентий Борзых в поисках пернатой дичи, а главное, барашка, коего можно было бы превратить в шашлык, набрел на живописнейшее местечко и на бывалого егеря, деда Егорчика.

— Что ж,— сказал дед Егорчик.— Хорошим людям рады...

— А барашек?— деловито осведомился Борзых и зачем-то прижал локтем пузатый портфель, болтавшийся у него под мышкой.

Но портфель не произвел должного впечатления на деда Егорчика.

— У нас и дичи хватит,— уклончиво ответил он.— Если на понимающих.

Викентий Борзых, заметив барашка «в уме», доставил к деду на грузовике все остальное для приятного времяпрепровождения, а вскоре появился здесь и молчаливый блюститель финансово-бюджетной дисциплины Незевакин-Попов-Попов.

Кузьма Ермолаевич прибыл в хорошем расположении духа и даже покровительственно кивнул деду.

Но дед Егорчик не обнаружил умения глядеть так умильно, как любил Казанец.

— Ты тут кем посажен? — спросил Казанец, подозрительно взглянув на деда.

— Тебя, мил человек, еще на свете не было, когда я тут поселился, — сухо проговорил егерь.

Тон его окончательно не понравился Казанцу. Кисло скривив лицо, он пошел к плавням.

Но и кряквы словно сговорились сегодня против него. Расстреляв десятка три патронов, Казанец принес единственный трофей — зазевавшуюся сороку.

Тут уж надо было незамедлительно вступать в действие Викентию Борзых и главбуху. Они проворно и умело накрыли в холодочке скатерть-самобранку, и Кузьма Ермолаевич, усевшись в центре, начальственно повел бровями в сторону бутылочной батареи.

Дед Егорчик опорожнил стаканчик с явным удовольствием, но повторить отказался. Пояснил:

— Вы люди, сказать, сейчас не при деле, а моя номенклатура мне не дозволяет. Я на службе.

— Плохие у тебя, старичок, места для охоты, — с вялым раздражением сказал Казанец после четвертой порции.

Дед Егорчик обиделся, но ответил с напускным безразличием:

— Это как для кого!.. На той неделе приезжали охотники... Пустыми не уехали... А то, извиняйте, бывает и так, что перья остались, а мясо улетело.

Это был явный вызов.

— Сколько метров до того петуха? — сумрачно спросил Казанец.

Дед Егорчик взглянул на беспечно бродившего невдалеке пестрого петуха.

— Метров сорок.

Казанец взялся за ружье.

— Оплачиваю.

— Он у меня не продажный,— проговорил дед с набитым ртом. — А если желательно, на условиях... Попадете — ваш! Не попадете — с каждого выстрела пол-литра.

Борзых хихикнул:

— Придется тебе, диду, всухомятку сегодня вечерять. А нам готовь кастрюленцию побольше для борща.

Кузьма Ермолаевич не очень уверенными движениями вогнал в ружье патроны, прижмурил глаз.

Ах, что за петух был у деда Егорчика! Огромный и важный, с таким ярким пунцовым гребнем и с такими голосовыми данными, что можно было не сомневаться: давно были покорены им не только дедовы, но и все соседские пеструшки.

— И еще одно мое условие,— сказал егерь.— Чтоб мясцо не подпортить, бить дробью «восьмеркой»... Бекасинником иначе называется.

Тут уж, нечего греха таить, слукавил дед Егорчик. Знал, что дробью «восьмеркой» не возьмешь его Петра Ерофеевича. Было уже в петушиной биографии такое дело.

Но что знал дед Егорчик, неведомо было гостям.

— Давайте я уж его привяжу,— снисходительно предложил дед Егорчик.— А то этот Петр Ерофеевич недолюбливает, когда по нем мажут... Сбегёть.

— Вяжи, вяжи,— разрешил Казанец.

— Сейчас Кузьма Ермолаевич наведут ему праведный суд, — ухмыльнулся Борзых.

Дед Егорчик поймал петуха, стал привязывать к дереву, клювом в сторону охотников. Петух примостился поудобнее и вроде подмигнул.

Казанец выстрелил.

— Готов! — крикнул Борзых и даже по ляжке себя хлопнул.

Но преждевременно. Петух привстал, отряхнулся, ехидно посмотрел на Казанца и принял прежнюю позицию.

— Пол-литры,— бесстрастно отсчитал дед.

После второго выстрела петух занял более удобное положение. Самоуверенная и даже как бы нахальная поза его ясно показывала, что угодить в борщ он не торопится.

Теперь счет повел умудренный в математической науке Незевакин-Попов-Попов.

— Три пол-литра... Четыре...

Петька не был искушен в подхалимаже и не догадывался о номенклатурной весомости Казанца. После каждого очередного выстрела он приседал привычно и как-то развязно.

— Характер свой дурацкий выказывает! — возмущенно подал реплику Борзых.

На некоторое время воюющие стороны устроили передышку.

— Ружьишко справное,— великодушно похвалил дед Егорчик,— «три кольца». А то бывают охотнички, стреляют в ворону, а попадают в корову...

Петух терпеливо переждал, пока охотники подкреплялись, затем, увидев, что Казанец снова тянет к себе ружье, быстро занял исходное положение.

Пальба возобновилась. Петух еле-еле успевал приседать и отряхиваться. Стреляли поочередно и Борзых и Незевакин-Попов-Попов.

— Семьдесят шесть,— флегматично подытожил дед Егорчик, когда патроны кончились.— С вас тридцать восемь литров... Угощаю!

Петух вытряс из перьев остатки дроби и, слегка пошатываясь, побрел по своим будничным петушиным делам.

Возле изгороди он приосанился, непочтительно покосился на Казанца и его спутников, взмахнул крыльями, но кукарекать раздумал.

Нет, ничего не смыслил он в субординации, хоть и был петухом стреляным!

Три случая с Афанди

Уйгурские миниатюры

Увидев в своем доме вора, Афанди поспешно спрятался в сундук.

— Ты почему залез сюда? — спросил вор, открыв сундук.

— В моем доме нет ничего такого, что бы стоило тебе взять, и я стесняюсь своей бедности.

Однажды Афанди свалился с крыши. Собрался народ.

— Почему ты не встаешь? — спросил кто-то.

— А ты спрыгни с крыши и попробуй встать,— ответил Афанди.

У Афанди спросили:

— Как, по-вашему, кому на похоронах идти удобнее: тому, кто впереди гроба, или тому, кто сзади?

— И переднему и заднему идти удобно, но находиться между ними неудобно никому,— сказал Афанди.

Перевел М. ХАМРАЕВ.

Афанди — герой коротких уйгурских рассказов.

Между прочим

Дорогая опечатка

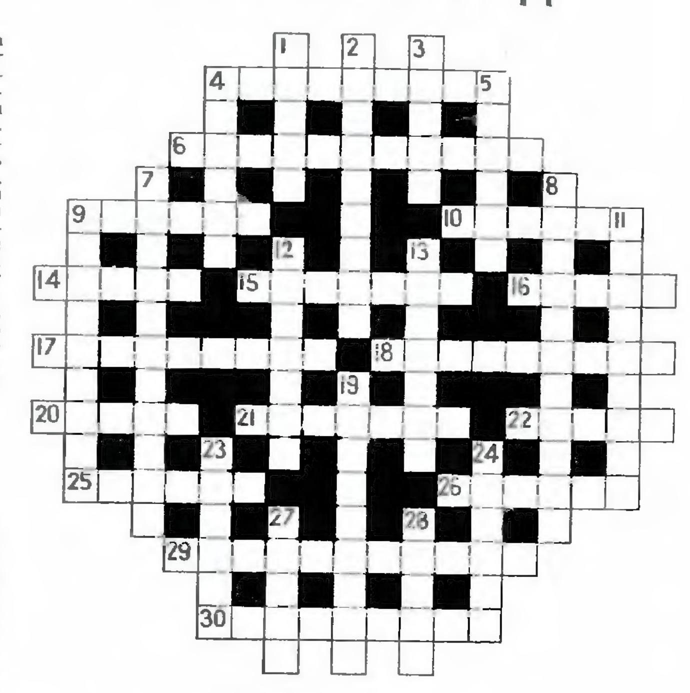
Как дорого может иногда стоить опечатка, показывает случай, происшедший в прошлом веке в США. В 1864 году там вводился и печатался новый таможенный тариф. Нескольким английским фабрикантам удалось подкупить вашингтонских корректоров, просматривавших оттиски тарифа. Корректоры должны были только переставить запятую в графе о листовом железе, благодаря чему за него приходилось платить ту же пошлину, что и за обыкновенное. Опечатка, вернее, обман, была открыта только через 17 лет. Соединенные Штаты успели потерять таможенных пошлин на сумму 49 995 776 долларов.

Д. МОРОЗ

Комары и ультразвуки

Комары-самцы на большом расстоянии ощущают ультразвуки определенной частоты, которые возникают при полете самок того же вида. Техника воспользовалась этим, чтобы уничтожать комаров. Генератор ультразвуков по ночам вибрирует с такой частотой, что комары-самцы слетаются к нему тучами и поглощаются всасывающим устройством. Такой способ уничтожения комаров успешно применяется в тропических странах.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Государство в Центральной Америке. 6. Вещество, изменяющее скорость химических реакций. 9. Искусный наездник. 10. Род растений семейства розовых. 14. Часть самолета. 15. Русский певец. 16. Удача. 17. Частичное изменение первоначального текста, проекта, плана. 18. Часть якоря генератора или двигателя постоянного тока. 20. Человек большой физической силы. 21. Южное созвездие. 22. Герой народной грузинской поэмы. 25. Спутник планеты Уран. 26. Спортсмен. 29. Постепенное изнашивание оборудования. 30. Художник, изображающий животных.

По вертикали:

1. Механизм ткацкого станка. 2. Русский революционный демократ. 3. Мера веса драгоценных камней. 4. Расписание хода работ. 5. Армянский писатель. 7. Научная работа. 8. Прямая, делящая угол пополам. 9. Основа ладового строения музыки. 11. Прибор для измерения скорости ветра. 12. Многочлен. 13. Старинная форма массовых славянских танцев. 19. Специалист по лечению животных. 23. Зажим для присоединения проводов. 24. Исполнитель самостоятельной партии в хоре, оркестре. 27. Вооруженные силы государства. 28. Столица европейского государства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 40

По горизонтали:

4. Владивосток. 9. Боткин. 10. Алупка. 11. Бунин. 14. Перепляс. 16. Норматив. 18. «Слава». 19. Медведь. 20. Аджария. 21. Ольха. 23. Гаттерас. 24. Ласточка. 26. Канна. 28. «Динамо». 29. Настил. 30. Калькуляция.

По вертикали:

1. «Алеко». 2. Хваннадальсхнукур. 3. Форум. 5. «Донбасс». 6. Станина. 7. Консерватория. 8. Экскаваторщик. 12. Перевал. 13. Лисичка. 15. Лидер. 17. Родос. 21. Осокорь. 22. Албания. 25. Вагай. 27. Эскиз.

Шутка Куприна

На что только не решаются собиратели автографов, чтобы пополнить свои коллекции! Один из таких неистовых коллекционеров загорелся мыслью получить автограф Куприна. Он уведомил писателя, что неоднократно получает письма за подписью Куприна с требованием положить на главном почтамте на инициалы А. И. К. двести рублей; за невыполнение этого требования Куприн якобы угрожает пропечатать в газетах. Вскоре коллекционер получил ответ:

«Милостивый государь.

Это уже не в первый раз, что моим именем злоупотребляют. Прошу Вас верить, что в данном случае я совсем ни при чем.

Если Вас не затруднит, пришлите мне, пожалуйста, это письмо или копию с него — я разберусь.

С почтением А. Куприн».

Обрадованному коллекционеру представился прекрасный случай продолжить переписку с известным писателем и получить еще лишний автограф. Он спешно фабрикует фальшивое письмо Куприна к нему, стараясь изменить свой почерк и нарочно делая грамматические ошибки. В сопроводительной записке он оправдывается, что «конверт, к несчастью, затерялся», и просит Куприна обязательно ответить ему.

Ответ последовал незамедлительно.

«Глубокоуважаемый Александр Александрович.

Почерк мне совсем незнаком, думаю, что единственный способ узнать шантажиста — это обратиться к полиции и поймать его в тот момент, когда он будет справляться в отделе до востребования, нет ли ему письма или перевода на инициалы А. И. К.

По-моему, это даже необходимо сделать, чтобы другим было неповадно. Письмо, по моему мнению, написано в Гатчине, и если я узнаю автора, то непременно Вам сообщу».

Конец же письма оказался самым неожиданным. Другим почерком было начертано:

«Примите уверения в совершенном почтении. Письмо это, как и прошлое, писала с моих слов жена. Но вот вам образчик моего почерка и подпись. А. Куприн».

Куприн все-таки разобрался, что почерки фальшивого письма и сопроводительной записки схожи, и шутливо отомстил собирателю автографов. Но шутка шуткой, а автограф был все-таки получен.

Л. ГРИГОРЬЕВ, В. ЗЕМСКОВ

Гнездо в почтовом ящике

В начале мая ранним утром я увидел новую хозяйку своего почтового ящика, приколоченного к забору у калитки. Это была синичка, свившая в ящике гнездо. Она снесла вскоре восемь белых яичек с розовыми крапинками и стала усердно высиживать птенцов. Жильцы нашего дома были приятно удивлены ее смелостью. Они попросили почтальона не опускать в почтовый ящик писем.

Рига. Г. ФРАНК

ПТИЧЬЯ ТРЕВОГА

Около нашей квартиры растет огромный куст сирени. Он как бы заглядывает в окно. На нем и поселились весной две птички. Величиной они с воробья. Макушки и зобы у них красноватые. И вот как-то ранним утром, когда мы еще спали, одна из птичек стала стучаться клювом в стекло. Нам показалось, что она ловит мошек или выклевывает замазку, но птичка снова и снова почему-то яростно налетала на окно. Мы даже открывали форточку, предполагая, что раньше она жила в комнате и теперь хочет человеческого уюта. Нет, птичка с утра и весь следующий день продолжала биться только в верхнюю часть окна, которая не открывалась.

Мы всей семьей старались разгадать, почему птичка так яростно атакует именно эту часть окна. Пришлось заклеить ее бумагой — птичка успокоилась. Тогда только мы поняли, что, подлетая близко к окну, птица видела в стекле свое отражение. Ей казалось, что это какая-то другая птичка хочет помешать ей строить на кусте сирени свое гнездо.

Г. ЗАРВАНСКИЙ

Село Чечельник, Винницкой области.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин китайских художников и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07527. Подписано к печати 2/X 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1134. Заказ № 2427.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Осенним утром.

Фото Н. Бохонова.

Цена номера 3 руб.